

A man with long, dark, wavy hair and a light beard stands on a rocky shore. He is wearing a light-colored, fur-trimmed coat with a dark belt and a sword with a wooden hilt. The background shows a body of water and distant mountains under a soft, golden light.

Елизавета Дворецкая

Дракон
Восточного моря.
Книга первая

Корабль во фьорде

Елизавета Дворецкая

Дракон восточного моря. Книга 1

«Автор»

2008

Дворецкая Е. А.

Дракон восточного моря. Книга 1 / Е. А. Дворецкая — «Автор»,
2008 — (Корабль во фьорде)

ISBN 978-5-9717-0449-2

Бьярни был побочным сыном знатного человека от рабыни и ничего хорошего от жизни не ждал. Когда однажды зимней ночью судьба столкнула его с Торвардом, молодым конунгом Фьялленланда, на первый взгляд это было большим несчастьем. Торвард недавно поссорился с Эрхиной, хозяйкой священного острова Туаль, и был ею проклят. Отныне каждый его шаг приносит беды, и он блуждает с дружиной по морям, чтобы не погубить собственную страну. От его меча гибнут оба брата Бьярни, и сын рабыни внезапно становится единственным наследником отца. Лишь его мать, Дэльбхаэм, уверена, что так и должно было случиться. Той роковой ночью она открыла Бьярни тайну своего происхождения: она – дочь короля с Зеленых островов. Став богатым наследником, Бьярни посватался к Ингебьерг, бывшей невесте своего погибшего брата Арвида, но она отказалась от брака с сыном рабыни. Тогда Бьярни приходит мысль поехать на Зеленые острова и найти там доказательства знатного происхождения своей матери. Но туда же направляется и Торвард: проклятье Эрхины не дает ему покоя, заставляет вечно искать подвигов, чтобы переломить злую судьбу – или умереть.

ISBN 978-5-9717-0449-2

© Дворецкая Е. А., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Елизавета ДВОРЕЦКАЯ

ВОЛК В НОЧИ

Большое спасибо Ингвару за разработанные схемы поединков.

*Есть иная земля, которую не худо сыскать;
Солнце садится, я вижу это, —
Хоть она далека, мы достигнем ее до ночи.
Это земля, которая радуется
Сердце каждого, кто познаёт ее... ¹*

Глава 1

И надо же было случиться такой напасти именно в ту зиму, когда хозяина не было дома! Сигмунд хёвдинг получил приглашение на праздник Середины Зимы к Рамвальду конунгу и уехал, забрав с собой младшего сына Вемунда. Дома, в Камберге, оставалась его жена с тремя другими детьми. Время они проводили тихо, ни с кем не виделись, а за девять дней до йоля разыгралась такая буря, что почти двое суток даже в отхожее место добраться считалось среди домочадцев за подвиг. Дикие порывы ветра сотрясали стены домов, так что даже повредило крышу хлева, качали и ломали деревья в лесу, а каждому, кто осмеливался высунуть нос из двери, тут же залепляло лицо мокрым снегом.

Потому-то никто и не заметил, как и когда на Пастбищные острова выбросило чужой корабль.

Обнаружил его Бьярни, на третий день, когда буря утихла и он с тремя рабами из усадьбы поехал в лесной сарай за сеном. С опушки леса хорошо были видны Пастбищные острова – три невысоких травянистых островка в перестреле от берега, куда на лето вывозили овец и коз из усадьбы Камберг. Теперь там была только пожухлая, присыпанная мокрым снегом трава, но из дверей пастушеских землянок вовсю тянулся дым.

На плоском берегу лежал корабль – да такой, что Бьярни застыл и свистнул от изумления. Восточное побережье полуострова Квартинг – весьма оживленное место, мимо Камберга всегда ходит много кораблей, но такие даже здесь нечасто приходится видеть. Громадный лангскип, похожий на дракона, голодного и злого, что скользит по зимнему морю, выискивая добычу, длинный, узкий, с резными низкими бортами, внушал робость, и от вида его пробирала жуть. Он словно бы выплыл прямо из древней саги и смотрелся так величественно и в то же время дико, что владеть таким кораблем было впору только кому-нибудь из богов Асгарда. Вглядевшись, Бьярни насчитал двадцать восемь весел по каждому борту. На переднем штевне была вырезана оскаленная морда дракона, а на заднем, почти таком же высоком, – хвост. Этот штевень что-то ему напоминал: где-то он уже видел эту драконью голову с огромными ушами, больше похожими на крылья. Или хотя бы слышал о чем-то похожем.

Людей на берегу толпилось много – сотни полторы, но точнее сосчитать не удавалось. Какая-то часть, надо думать, укрылась в землянках, хотя поместиться там могло не больше десятка. Кто-то прятался от ветра за выступами невысоких скал, кто-то – за бортами кораблей. Чахлые кустарники Пастбищных островов уже были все срублены под корень, весь плавник, обычно усеивавший берега островков, как корова слизнула, а значит, в землянках жгут старые лежанки.

Прощай, тихий вечер у огня! Корабль выглядел неповрежденным, и хотя лодки, которые большие корабли обычно тянут за собой, оторвало и унесло бурей, его хозяевам не составит

труда пересечь узкий пролив. Просто они еще не заметили крыши усадьбы, а когда заметят, то едва ли захотят ночевать под открытым небом – почти в самой середине зимы! И не очень смутятся, если их не пустят в дом по доброй воле. А в усадьбе всего-то одиннадцать мужчин, считая самого Бьярни.

– Может, они и не хотят ничего плохого... – пробормотал Асгрим Кривобокий – тощий, слабосильный раб лет пятидесяти, который еще в молодых годах попался на клык раненому кабану и навсегда остался с искривленным боком. – Может, просто мимо плыли, а ветром во фьорд загнало... От бури спрятались.

– Ага! – издевательски отозвался Кетиль, по прозвищу Клин, которое ему дали за его длинную и узкую рыжую бороденку, сам тоже длинный, с редкими зубами и вечно кислым лицом. – Да это же боевой корабль, тут и поросенок поймет! Плохо нам придется, я вам скажу, если они видели усадьбу!

– Скорее поезжайте домой! – распорядился Бьярни. – Предупредите Арнвида, пусть готовится. Похоже, нам придется за себя постоять. А я пробежусь по ближайшим дворам, соберу людей побольше.

– Да куда уж нашим рылам против такого чудовища! – завел Кетиль. Что еще взять с раба? – Я вам скажу, с такой дружиной воевать – это конунга надо звать на помощь!

– Может, сено-то пока бросим? Чтобы быстрее? – предложил Асгрим, но Бьярни покачал головой:

– Глупостей не говори! Троль знает, когда мы теперь в лес сможем проехать, а коровы есть хотят каждый день! Давай, берись, Кетиль, твоей бороды им надолго не хватит!

Рабы поспешили к усадьбе, волоча за собой тяжело груженные сани, а Бьярни повернул в глубину фьорда. Ходить на лыжах он умел отлично и считался лучшим лыжником харада. Это все признавали, что само по себе немало значило. Отцом Бьярни был Сигмунд хёвдинг, а матерью – рабыня-уладка с Зеленых островов, и потому среди четверых детей хёвдинга он занимал последнее место. Узаконивать Бьярни отец не торопился: ведь в этом случае и наследство пришлось бы делить не на двоих сыновей, а на троих. Но и сам хёвдинг не мог не признавать, что способностями и умениями Бьярни превосходит обоих законных братьев. Учиться обращаться с оружием он начал, когда Кари Треска взялся обучать Арнвида и тому понадобился товарищ, на котором можно оттачивать свое умение. И Бьярни, хоть и был на два года моложе, скоро превзошел брата, да и теперь, пожалуй, смог бы его одолеть, поскольку был и сильнее, и толковее. Вот и сейчас он ничуть не растерялся, а сразу сообразил, что следует делать.

Подбитые жесткой шкуркой с лосиных колен лыжи хорошо скользили с горы и не давали откатов на подъемах. Отлично зная местность, Бьярни быстро двигался вдоль берега фьорда. С высокого берега ему была видна вода, хотя иногда и пропадала за деревьями. И вскоре, не добежав еще до двора Берга Бороды, всего в половине роздыха от Камберга, он заметил второй корабль. Этот лежал прямо на берегу – такой же лангскип, как и первый, может быть, чуть поменьше, с головой единорога на штевне. Любой другой житель харада Камберг сказал бы просто «какой-то чудной лошади с рогом посреди лба», но Бьярни от матери знал об этом дивном создании из уладских и притенских сказаний.

В небо поднимался дым от множества костров, возле которых грелось человек сто или больше. Бьярни сразу подумал, что два корабля шли вместе, но буря разметала их и пока они друг друга не видят. Но если с Пастбищных островов заметят этот дым?

На миг мелькнула надежда, что эти двое – враги, что буря помешала им сражаться, а теперь они продолжают начатое. Тогда, кто бы ни уцелел после жестокой схватки, местным жителям не составит большого труда прогнать обескровленного победителя, а то и поживиться легкой добычей. Но это было бы слишком хорошо и потому маловероятно. Рассчитывать следовало на худшее. А если дружины обоих кораблей объединятся, то разбить их у округи Камберг не будет никакой надежды: не хватит людей. Но нельзя сдаваться еще до битвы, и Бьярни еще

быстрее побежал к хутору Берга Бороды. У того было только двое работников, да он сам с братом и сыном, но из маленьких ручьев слагается большая река.

По пути он обогнул Гребневую гору, которая и дала название хараду Камберг. Рассказывали, что королева Дагмара, жена знаменитого древнего конунга Рагнара Удалого, однажды, сопровождая мужа в походе, останавливалась передохнуть на горе и потеряла там свой гребень, из моржовой кости и весь в золоте. «Конечно, королева Дагмара была красивой, ловкой и во всем искусной, но за своими вещами смотрела плохо!» – смеясь, говорила Йора, сестра Бьярни. В детстве они истерли все коленки, ползая по склонам горы в надежде отыскать тот драгоценный гребень. «Когда я вырасту, я подарю тебе такой же, даже еще лучше! – обещал ей Бьярни, когда они отдыхали, сидя на теплой земле после напрасных поисков. – Ты ведь еще красивее, чем королева Дагмара, и за своими вещами умеешь смотреть!»

Мимолетно вспомнив о сестре, Бьярни еще усерднее заработал палками. Сейчас на Гребневой горе располагалось святилище, и стоящие на вершине валуны издалика напоминали гребень с редкими зубьями. Может быть, название пошло на самом деле от стоячих камней, но округа предпочитала верить в гребень древней королевы. Однако гору и святилище отлично видно с воды, от того места, где стоит второй корабль. Чужаки, кто бы они ни были, не могли не заметить святилища. А значит, догадались, что вокруг много теплого жилья.

Темнело, спускалась ночь, но для Бьярни эти сумерки были все равно что рассвет нового дня, полного неотложных трудов. Быстро передвигаясь от жилья к жилью, Бьярни стучал то в одни ворота, то в другие, дожидаясь, пока откроют, коротко рассказывал об опасности и призывал всех мужчин собираться с оружием в усадьбу Камберг.

– Если это «морской конунг», то он доберется и до вас! – запугивал он трусливых или нерешительных бондов, которые не очень уверенно чувствовали себя с мечом в руках. – Заберет ваших женщин, ваши зимние припасы, скот, вас самих продаст в рабство! Это сильный вождь, с большой дружиной, ему нужно много добычи, и он никак не удовольствуется тем, что раздобудет у нас, если захватит Камберг! А если мы храбро встретим его хорошим большим войском, он, может быть, вовсе не станет ни на кого нападать, а наша округа прославится, что не побоялась первой напасть на «морского конунга»!

– Но кто это? – спрашивали его во всех домах.

– Не знаю. Но я уверен, что такие корабли могут быть только у знатного и прославленного человека! Самый большой я уже где-то видел, не помню, может быть, даже у конунга граннов!

– Постой, у конунга граннов! – внезапно вспомнил Хугвид бонд со двора Новая Росчисть. – Так ведь рассказывали, что в позапрошлом году Асмунд конунг потерял свой корабль! В Драконьем фьорде...

– Ну да, да! – перебила мужа фру Сванлауг и затараторила, пока никто не отнял у нее этой чести: – Конечно, Драконий фьорд! Позапрошлым летом все торговые гости только об этом и рассказывали, все, кто только плыл мимо нас на запад! Битва в Драконьем фьорде! Там Асмунд конунг встретил Роллауга конунга из Хэдмарланда и Торварда ярла из Фьялленланда, ну, этого, Рваную Щеку! Они бились и разбили Асмунда конунга, так что его самого взяли в плен и отпустили за выкуп, выкуп поделили пополам, а его корабль, «Крылатый Дракон», достался Торварду ярлу, потому что он его захватил! Так неужели это он?

– Это что же, к нам пожаловал Торвард Рваная Щека! – Хугвид бонд хлопнул себя по бедрам. – Вот это новость! Вот это подарочек к йолу!

– Наверное, он ездил в Граннланд собирать свою дань! Три года ведь еще не прошли.

– Ну, здесь не Драконий фьорд, и мы ему никакой данью не обязаны, – сурово ответил Бьярни, опасаясь, что слава противника охладит боевой пыл округа Камберг. – И если он задумал и у нас чем-нибудь поживиться, то ему не так повезет, как он надеется!

– А ведь говорят, Торбранд конунг убит и его сын сам теперь правит!

– Ну да, он ведь женился на фрии острова Туаль!

– Какое женился, она прокляла его!

– Да нет, помнишь, те два корабля из Винденэса, они были на Туале летом, и видели его там, и говорили, что он муж фрии Эрхины!

– Нет, Асгаут хёльд встречал на Тюленьих островах одних людей, они точно говорили, что он проклят фрией Эрхиной!

– Так мы ждем вас в Камберге, и чем скорее, тем лучше! – прервал их спор Бьярни. – Такой противник делает нам честь, но мы должны получше подготовиться к встрече! Подумайте только, что о вас станут говорить: вы сражались с самим конунгом фьяллей! Это большая честь!

Собственно говоря, это было единственное утешение, которое он мог предложить соседям. Скользя на лыжах к следующему двору, Бьярни признавал, что Хугвид бонд прав: это действительно корабль неудачливого Асмунда конунга. Потому он и показался знакомым: конунг Граннланда три года назад, незадолго до той злополучной битвы, гостил у Сигмунда хёвдинга, и его корабль тут хорошо рассмотрели. И про битву в Драконьем фьорде тогда ходило много разговоров. Плохо дело: молодой Торвард конунг правит самостоятельно только год, а за это время успел победить остров Туаль, который ранее считался непобедимым, и, по слухам, был проклят его правительницей фрией Эрхиной. Теперь он жаждет побед над кем угодно и где угодно, и никому такой человек не принесет добра. Недаром же он рыщет по холодному зимнему морю, как голодный волк, в то время как даже безземельные вожди бродячих дружин уже нашли себе хорошее место для зимовки и хвастают своими подвигами, сидя у горящих очагов!

К тому времени как Бьярни вернулся в Камберг, все мужчины в усадьбе уже вооружились. У дверей хозяйского дома Бьярни встретила мать. Ее звали Дельбхаэм, что означает Прекрасный Облик, и она действительно была в юности замечательно красива. Когда Сигмунд хёвдинг увидел ее на рынке в Винденэсе, ей было всего лет шестнадцать, и за нее запросили три марки. Это было втрое дороже обычного, но Сигмунд все-таки купил ее. В Камберге новая рабыня поначалу молчала, не хотела даже сказать, как ее зовут, и домочадцы думали, что она немая. Разговаривала она только со своим сыном, когда их больше никто не слышал. Из-за того, что от матери и от прочих домочадцев он слышал речь на двух разных языках, Бьярни дольше других детей не начинал говорить, и Сигмунд хёвдинг было заподозрил, что и сын его уродился немым. Зато потом Бьярни принялся бойко болтать и по-уладски, и на языке сэвейгов, притом никогда не путал слова двух языков. Он рос здоровым, красивым, сильным, смышленным мальчиком, и с самого начала было видно, что он далеко пойдет.

И теперь, когда ей было чуть за сорок, Дельбхаэм смотрелась совсем неплохо. Невысокая, среднего сложения, она не располнела с годами, и, хотя ее руки огрубели от тяжелой работы, прямая спина и величавая осанка подтверждали ее знатное происхождение. У нее были правильные черты лица, высокий и широкий лоб, красивые глаза, тонкие брови, прямой нос, и общее выражение лица было ясное и умное. Самое удивительное, что в глазах и бровях ее наблюдалось явственное сходство с Йорой. Сигмунд хёвдинг мог поручиться, что дочь ему родила не Дельбхаэм, а законная супруга фру Лив, так что разумного объяснения этому сходству не находилось, и оно служило источником шуток всех домашних. На лице ее почти не имелось морщин, и лишь по одному верхнему зубу с каждой стороны не хватало. Держалась уладка всегда невозмутимо и уверенно, в любых обстоятельствах сохраняя ясный рассудок и присутствие духа. Люди не оставались слепы к ее достоинствам: в хараде бытовало мнение, что знатностью рода она не уступит иным ярлам. За то время, которое Дельбхаэм прожила в Камберге, к ней трижды сватались свободные люди, причем не из самых бедных. Закон обязывал хозяина в этом случае отпустить рабыню, но Дельбхаэм сама отвергала женихов: Бьярни все же лучше было оставаться побочным сыном хёвдинга, чем приемным сыном какого-нибудь Стейна бонда.

И сейчас Дельбхаэм не дрожала от страха, как многие женщины, и лицо ее выглядело оживленным, полным какого-то ожидания. В руках она держала рогатину Бьярни, которая называлась Медвежья Смерть.

– Посмотрим, не удастся ли тебе сегодня насадить на нее хорошего, жирного медведя! – тихо сказала Дельбхаэм сыну по-уладски. – Я думаю, что это так и будет!

Не успел Бьярни ответить ей, как его обступили другие женщины.

– Ты думаешь, это может быть «морской конунг»? – тревожно спросила фру Лив.

– Или это какой-то враг нашего отца? – подхватила Йора.

– Нет причин так сильно тревожиться! – Бьярни постарался успокоить их обеих. – Мы принимаем меры на всякий случай. Может быть, эти люди просто сбились с пути из-за бури и теперь уйдут своей дорогой, раз уж буря кончилась. Просто мы не должны дать застать себя врасплох, если что, вот и все. Да и разве у нашего отца есть такие враги?

О том, что хозяин одного из чужих кораблей скорее всего фьялленландский конунг Торвард сын Торбранда, Бьярни пока не стал рассказывать, чтобы не пугать женщин раньше времени. Вопреки сказкам, фру Лив вовсе не была злой мачехой и не питала никаких дурных чувств к побочному сыну своего мужа и даже к его матери. А ее дочь, йомфру Йордвейг или, по-домашнему, Йора, была лучшим другом Бьярни. Она так же твердо, как и он сам, верила, что ему суждено стать большим человеком и прославиться, и втайне досадовала на отца, который никак не хочет объявить его свободным. «Конечно, хёвдинг не хочет, чтобы наследство пришлось делить на три части вместо двух! – толковывала ей фру Лив. – Да еще и твое приданое. Мы, конечно, очень любим Бьярни, но ты же не хочешь, чтобы размер твоего приданого уменьшился из-за его доли и из-за этого тебе достался жених похуже!» – «Но отцу не придется ничего делить! – убеждала ее Йора. – Ведь Бьярни сам раздобудет себе все, что ему понадобится! Мое приданое только увеличится, если дать Бьярни возможность себя проявить! Пусть только отец признает его свободным, и вот увидишь, он и для себя найдет самую красивую и богатую невесту!»

У нее были основания так говорить. В придачу к прочим достоинствам Бьярни был хорош собой, что бросалось в глаза каждому, несмотря на простую одежду: рослый, с прекрасно развитыми, сильными руками, широкими плечами. Высокий прямоугольный лоб говорил об уме, а черты лица, правильные и приятные, обычно хранили дружелюбное выражение, так что на каждого, кто его видел, Бьярни обычно производил самое положительное впечатление. Видно было, что это человек неглупый и решительный, но при этом довольно мягкого нрава. Ясный взгляд серо-голубых глаз, широкая располагающая улыбка, всегдашняя готовность помочь чем надо привлекали к нему любовь и домочадцев, и соседей. Рыжеватые, как у матери, волосы ему приходилось стричь коротко, как всякому низкородному, и они все время топорщились надо лбом. Что, впрочем, не мешало многим молодым женщинам находить его весьма привлекательным. Но женить своего побочного сына, хоть тому и сравнялось уже двадцать четыре года, Сигмунд хёвдинг не торопился: видно, сам еще не решил, признавать того или нет, и оттого не знал, какая жена ему подойдет – свободная или из тех, что приобретают на рынке в Винденесе.

Нрав у Бьярни тоже был легкий: он довольно спокойно воспринимал свое зависимое положение, но в душе не считал себя хуже свободных братьев и вполне отдавал себе отчет в том, что почти во всем, кроме происхождения, их превосходит. Другой бы жил со жгучей обидой на людей и судьбу за такую несправедливость, но гордость Бьярни проявлялась иначе: он считал делом чести жить так, чтобы не стыдиться ни одного своего слова или поступка и тем доказать, что и в рабстве можно быть достойным человеком. И ему это удавалось: дома и в округе его уважали, а рабское его происхождение воспринимали как некий изъян, случайно доставшийся хорошему человеку, – вроде чересчур заметного родимого пятна.

И сегодня, похоже, у Бьярни был отличный случай показать, чего он стоит. Все способные сражаться уже разобрали оружие и щиты, обычно висевшие на стенах гридницы, и теперь

пустые места светились на бревенчатой стене тревожно и угрожающе. Арнвид надел шлем и кольчугу. Его продолговатое лицо выглядело особенно суровым и решительным. В отсутствие отца весь дом и его безопасность оставались на его попечении, и он то гордился, то тревожился, сумеет ли справиться с неожиданной напастью. К своим двадцати шести годам он много раз побывал в походах – с тех пор как его законным сыновьям исполнялось двенадцать, Сигмунд хёвдинг начинал брать их с собой, того и другого поочередно. Но тогда с ним всегда бывал отец, отважный, сильный, опытный воин, способный найти выход из любого положения. А что будет теперь? В одиночку-то он дальше Винденэса еще не ездил. Сигмунд хёвдинг, заботясь о семье и сыновьях, не слишком верил, что они смогут позаботиться о себе сами.

Ожидание было ужасно: люди то выходили во двор, то снова, замерзнув, заходили в дом, топтались там, и всех снова тянуло наружу. Многих била дрожь; хотелось думать, что от холода.

А тем временем два чужих корабля, уже соединившись, приблизились к причалу Камберга. Кто-то из людей перепрыгнул на деревянный, немного скользкий настил, им переброшили канаты, чтобы привязать корабли к столбам.

– Давай, Регне, принимайся, дымом ниоткуда не тянет? – произнес чей-то уверенный, привыкший распоряжаться голос.

– А то я голодный, как тыща троллей! – подхватил другой.

– Вон сарай, можно и там переночевать! – говорили на кораблях, имея в виду корабельный сарай Сигмунда хёвдинга, стоявший поодаль, над пологим спуском к воде.

– Можно и в сарае, но лучше бы в доме! Это Ормкель, медведище, может на снегу спать, а я не могу! Не желаю!

– Конечно, не можешь! – отозвался ворчливый немолодой голос, и впрямь чем-то напоминающий медвежье рычание. – Ты же изнежен, как девчонка, тебе подавай пуховую перину и стеганое одеяло на гагачьем пуху! Чего тебе в походе-то делать?

– А вот увидим подходящего врага, тогда узнаешь!

– Хальмунд, где ты? Ну, борода, напрягись! Где здесь может быть усадьба? Ни тролля не вижу, а у тебя тетка была ясновидящая.

Сказавший это скорее всего и был вожаком. Высокий, с широкими плечами, крепкий мужчина стоял на причале, расставив длинные ноги и упираясь руками в бока, словно бросая вызов той земле, куда занесла его судьба и зимний ветер. Полушубок на собольем меху был покрыт крашеным красновато-коричневым сукном, а подол рубахи, видный снизу, оказался вообще красным – какой сумасшедший вздумает так наряжаться в поход? На ремне с позолоченной пряжкой блестел сплошной ряд узорных бляшек. Из-под меховой шапки на плечи щеголя падали две косы – значит, это действительно фьялли. Тоже не подарок. Фьялли в чужих землях не имеют привычки считаться с местными порядками, особенно когда приходят большой дружиной. И особенно теперь, когда их новый конунг победил священный остров Туаль и вообразил себя непобедимым.

Людей поблизости не было видно, но в необитаемых местах не бывает причалов и корабельных сараев, это любой дурак догадается. Торвард конунг, по прозвищу Рваная Щека, единственный сын и наследник недавно погибшего Торбранда конунга, ни в коем случае не оставил бы своих людей на ночь зимой под открытым небом, не убедившись, что вокруг на целый роздых нет хоть какого-нибудь жилья. И усадьбу Камберг он непременно бы нашел. Раз уж Бьярни было суждено отличиться, их встреча все равно состоялась бы, так или иначе.

На сей раз судьба помогла им, подослав на берег Хринга из Сорочьей Горки. Хринг, колченогий дурачок, живший с матерью в крохотной избенке у моря, как раз ковылял мимо. Когда утихла буря, мать отправила его за хворостом, и сейчас он, уронив неряшливую вязанку, разглядывал незваных гостей, разинув рот от изумления. Он и не знал, что на свете есть столько чужих людей и такие огромные корабли!

Его скоро заметили и подвели к кораблю.

– Есть тут жильё поблизости? – спросил у него вожак.

– Е... есть... – неуверенно пробормотал Хринг. – А вы кто?

– Как туда попасть? – снова спросил фьялль, не утруждаясь ответом. – Кто тут живет? Чей это харад?

– Да тут поблизости почитай что и никого, – раздумчиво отозвался Хринг. – Такой дом, чтобы ты, хёвдинг, с людьми поместился... Разве что вот что! Тут за горкой живет Сигмунд хёвдинг, он еще зовется Пестрым. У него дом большой, на всех хватит.

– Сигмунд хёвдинг? – переспросил вожак. – Ну, как к нему пройти?

– Да уж, удачно попали! – ухмыльнулся другой фьялль. Должно быть, это и был Халльмунд, обладатель небольшой темно-русой бороды, почти такой же высокий и крепкий.

– Ну, что он там болтает? Будем мы сегодня ночевать под крышей или как? – К ним подошел один из конунговых телохранителей, похлопывая себя по плечам. – А то я замерз, как тыща троллей! Борода к гривне примерзла!

– Ну, показывай, где его дом?

– Туда... – Хринг в задумчивости обернулся и окинул взглядом уже почти темную долину. – На... пра... направо.

– Ты лучше пальцем покажи! – опять ухмыльнулся Халльмунд. Как видно, он сомневался, что местный придурок действительно различает «направо» и «налево».

– А мы его с собой возьмем, он нас и доведет! – решил вожак. – Ребята, пошли! Борода, а за твоими ребятами мы пошлем, если там есть место, где сразу всех разместить. А если нет, то будем греться по очереди. Ормкель, твой борт первый сторожит, потом Эйнар тебя сменит.

– А забудет, я ему голову оторву! – пригрозил тот же рычащий голос, чьего обладателя в темноте уже было нельзя разглядеть.

– Что ты, медведище, как же я забуду! – весело отозвался молодой, довольный, что первая стража досталась не ему. – Я же без тебя жить не могу... а с тобой и подавно!

Фьялли тем временем перебрались с кораблей на причал и растеклись по площадке, где было меньше снега. Человек по двадцать пять—тридцать осталось сторожить корабли, а остальные, разобрав свое оружие и заплечные мешки, вскинули щиты на спины и были готовы идти. Высокий старик с длинной полуседой бородой поднял на плечи большой котел: постукивая по котлу, фьялли смеялись и спрашивали, скоро ли их будут кормить. У них, как видно, бытовала привычная шутка, что веселый звон железных боков – к скорой и вкусной еде, а унылый – к воздержанию. Непонятно было, что обещает им котел на этот раз.

– Давай веди! – вожак кивнул Хрингу.

– А не привязать ли его? – предложил обладатель веселого голоса – длинный, худощавый парень со светлыми кудряшками, видными из-под шапки, подбитой каким-то белым мехом. – А то еще сбежит!

– А зачем ему сбежать – его же не бьют, а в тепло, поди, тоже хочется! – рассудительно ответил Халльмунд. – Ты только не очень спеши, олень быstroногий, а то мы по снегу за тобой не успеем.

Приближение давно ожидаемых незваных гостей заметили с пригорка, и, поднявшись к усадьбе, фьялли нашли ворота крепко запертыми. Но фьялленландский конунг Торвард был не тот человек, которого запертые двери могли смутить.

Громкий стук, от которого сотрясались створки, был слышен во всех уголках дома.

– Что за тролли там колотятся? – крикнул Арнвид, в полном вооружении стоявший за воротами. Вокруг него располагались все мужчины усадьбы, сжимая щиты и секиры, и он был полон решимости постоять за свой дом и свою честь.

– Здесь Торвард сын Торбранда, конунг Фьялленланда! – крикнул в ответ Халльмунд. – У нас почти триста человек, и нам нужно переночевать.

– Идите в лес на горах и ночуйте там, фьялленландские волки! – отозвался Арнвид. – Здесь для вас ночлега нет!

– Не слишком-то ты гостеприимен! Кто ты такой? – крикнул сам Торвард. – Голос слишком молодой, это не хозяин. Это ведь дом Сигмунда хёвдинга? Которого еще зовут Пестрым? Куда он подевался? Или забился в какой-нибудь чулан от страха?

– Его нет дома, он уехал к Рамвальду конунгу! – ответил Арнвид. – А я – его старший сын, я оберегаю дом и имущество отца, пока его нет, и не допущу, чтобы они были разграблены какими-то бродягами!

– А я конунг фьяллей, и я не позволю, чтобы со мной разговаривали как с бродягой! – разозлившись, рывкнул Торвард. – Открывай ворота, щенок, иначе я разнесу по бревнам всю твою конуру!

– Не горячись, конунг, а не то нам будет негде ночевать, если ты разнесешь дом! – Халльмунд положил руку ему на плечо. – А войти мы и так войдем, хочет он того или нет. Ребята, вон там растут три ели, и средняя нам вполне подойдет. – Обернувшись, он показал на пригорок поблизости. – Стор, Эрле, что стоите, действуйте.

Несколько человек побежали к деревьям и принялись с разных сторон одновременно подрубать ель. Собравшиеся во дворе отчетливо слышали удары секир по мерзлому стволу и видели поверх земляной стены усадьбы, как содрогается в предсмертных судорогах вершина дерева.

– Давай нападем на них сейчас, пока они не ждут! – шепотом подбивал Арнвида один из хирдманов, Ранд Толстый. – Выскочим и отгоним их от дома!

– Не говори глупостей! – возразил Бьярни. – Как мы их отгоним, если их триста человек! Вижу, помощи мы дожидаться не успеем. Лучше бы тебе, Ари, впустить их. Они ведь все равно войдут, так зачем нам терять людей понапрасну?

– Молчи, рабское отродье! – в сердцах огрызнулся Арнвид. – Отец доверил мне охранять его дом и имущество, и никто не войдет сюда без моего согласия!

Бьярни вспыхнул: его больно ударил упрек, тем более что Арнвид никогда не позволял себе так грубо разговаривать со сводным братом. Но сейчас он был слишком встревожен, раздосадован, а может, и напуган, поскольку тоже понимал, что надежды отбиться нет.

– Но, может быть, они и не причинили бы нам вреда, если бы только переночевали, – дрожащим голосом сказала йомфру Йора. Она тоже вышла во двор, кутаясь в меховую накидку, поскольку сидеть в глубине дома и не знать, что тут происходит, было свыше ее сил. Ее мягкие рыжие волосы выбивались из-под капюшона, большие глаза были полны страха, и тонкая белая рука, держащая края капюшона возле щеки, дрожала, но девушка изо всех сил старалась сохранять внешнее спокойствие. – Ты только разозлил их понапрасну, Ари, а теперь они... Но, может быть, если бы мы с матерью поговорили с ними, они и согласились бы...

– Тебя только не хватало! Уходи в дом, не путайся под ногами! – прервал ее Арнвид. Он отчасти понимал, что его нервная грубость сослужила ему дурную службу, но отступить не мог. – Ты же слышала: там фьялленландский конунг Торвард! А с этим человеком так же невозможно договориться, как с Мировым Змеем! Не слышала, что он в Граннланде натворил? Если хочешь стать его рабыней – пожалуйста, иди! Но только я тебя не пущу! – спохватился он. – Отец поручил мне охранять вас с матерью, и я лучше сам тебя убью, чем допущу, чтобы ты попала в руки к этому зверю! Ты что, не слышала, что он делает с красивыми девушками?

– Он даже фрию Эрхину с острова Туаль, говорят, обесчестил! – пробормотал Кари Треска, бывший воспитатель хёвдинговых сыновей. – И тебе, йомфру, лучше бы уйти в дом.

– Но ведь говорят, что она была его женой...

– Ведь говорят, что красивым девушкам лучше ему на пути не попадаться! – отчасти передразнил ее Кари. – Иди к матери, тебе говорят.

Бревно тем временем было готово. Облепив его со всех сторон, фьялли с дружным веселым ревом, точно собирались все вместе скатиться с горы, понеслись на ворота. Раздался первый удар, и Йора, ахнув, стремглав бросилась в дом. Одновременно послышался крик: это Бьярни, о котором все забыли, вылез на крышу дома и метким выстрелом из лука поразил одного из фьяллей. С собой Бьярни взял Альва Куницу и Стейна Охотника, лучших стрелков в доме, и втроем они осыпали нападавших целым дождем стрел. Но тех было слишком много: на смену раненым тут же встали другие, одни держали бревно, другие прикрывали их сверху щитами, а третьи и сами взялись за луки, и вскоре Бьярни и его товарищам, на которых обрушился ответный стальной дождь, пришлось ползком убираться с крыши.

А пока они спускались, ворота были выбиты и фьялли ворвались во двор. Перед собой они держали круглые разноцветные щиты, в которых и застряли пущенные им навстречу стрелы; не давая защитникам возможности выстрелить снова, фьялли набросились на них и заставили отступить к самой стене дома. Их было гораздо больше, чем домочадцев Сигмунда хёвдинга, но во двор вошло ровно столько, сколько нужно, чтобы не создавать давки.

Арнвид и Кари бесстрашно бросились на самого Торварда конунга, которого легко было узнать по яркой крашеной одежде и высокому росту. Но того ничуть не смутило, что противников двое. Не дожидаясь, пока они до него добегут, он сам кинулся навстречу и быстро ударил мечом под щит Кари, который оказался впереди, а потом мгновенно развернулся и таким же ударом под нижний край щита разрубил бедро Арнвиду. Кари, сделав еще пару шагов, пошатнулся и привалился к стене конюшни, на счастье оказавшейся рядом.

Арнвид, более молодой и крепкий, к тому же получивший не настолько глубокую рану, сумел поначалу остаться на ногах и, преодолевая боль, попытался даже продолжить сражение. А Торвард конунг не торопился: без труда уворачиваясь от ударов Арнвида и отводя их щитом, он скользил по кругу, иногда якобы открываясь, вынуждая противника делать выпад, но тут же уклонялся, так что тот лишь терял кровь от напрасных усилий. Кровь текла из раны на землю, и вот сам Арнвид поскользнулся на ней, невольно взмахнул руками, чтобы удержать равновесие, и опустил щит. И тогда Торвард конунг, все время выжидавший именно этого случая, нанес ему быстрый точный удар по шее.

Бьярни как раз выбежал из-за угла дома, чтобы успеть увидеть, как падает его брат. А Торвард уже отвернулся, даже не глядя, как рухнет на землю тело поверженного врага, и выискивал нового противника. В каждом движении конунга фьяллей чувствовалась такая сила и уверенность, такой опыт и выучка, дающие невероятную быстроту и точность движений, что драться против него было просто безрассудно. Он успевал везде, то криком, то свистом подавал какие-то знаки своим людям, точно у него десять глаз и в нем живет пять человек, способных делать пять дел одновременно. Кто-то из фьяллей уже набросился с мечом на Бьярни, и он взмахнул Медвежьей Смертью, заставив того отскочить. Мимо просвистело копье и воткнулось в стену дома. С разных сторон на Бьярни набросились сразу двое, что-то огромное обрушилось ему на шлем, и под тяжестью удара он будто провалился в бездонную черную пропасть. В глазах потемнело, мелькнули цветные пятна – и все погасло.

Сражение во дворе продолжалось недолго. Сидя в глубине дома, женщины слышали, как снаружи звенели клинки, как потом шум битвы переместился в кухню, но затих очень быстро, а сам дом наполнился топотом ног, чужими голосами, треском ломаемого дерева. Фру Лив и Йора сидели, тесно прижавшись друг к другу и крепко взявшись за руки. Обе думали об одном. Дом захвачен, его защитники разбиты; остался ли хоть кто-нибудь в живых? Не верилось, что они вот так враз осиротели, лишившись и Арнвида, и Бьярни, и всех прочих мужчин. И что теперь будет с ними? Когда этот вечер начинался, никто и подумать не мог, что он вот так закончится; несколько мгновений переменили их жизнь, отняли родичей, имущество, честь, свободу... В это невозможно было поверить, все происходящее казалось страшным сном, наваждением.

Дверь девичьей открылась, незнакомая бородатая голова просунулась внутрь и осмотрелась.

– Мужчины есть? – спросил голос с явным фьялленландским выговором. Пройдя в девичью, бородач огляделся и опустил секиру, которую держал наготове. – Ну, красавицы, под подолами вы никого не прячете?

Женщины молчали.

– А может, они отводят глаза? Или превратили своих парней в скамейки? – Вторым фьялль, вошедший вслед за первым, молодой, долговязый, кудрявый парень с продолговатым лицом, постучал обухом секиры по скамье. – Помнишь, Халле, ту старуху в Граннланде? Которая двоих сыновей превратила в свиней, а они ночью превратились обратно и чуть наших дозорных не перерезали? Ну, девушки, признавайтесь сами, вы ведьмы? Где тут ваши женихи? – И он вопросительно постучал обухом секиры по ближайшему сундуку.

– Мы не ведьмы, – чуть дрожащим голосом, стараясь скрыть свой страх, ответила фру Лив. – Я – жена Сигмунда хёвдинга. Что с моим сыном, где он?

– В Валхалле, – нахально ответил кудрявый. – Этого не отнять, он бился как герой! Но против нашего конунга и Сигурд Убийца Дракона не устоял бы!

– Он по... погиб... – прошептала Йора, чувствуя, как мать с силой стиснула ее руку, и из ее глаз миготом полились слезы. – Неправда! Где он?

– Во дворе лежит. Можете забрать, – позволил Халльмунд. – Вынесите убитых в какой-нибудь холодный сарай, все теплые нам самим понадобятся. У нас с одного корабля почти сто семьдесят человек, да моих еще сто двадцать восемь на берегу ждут, так что распорядись, хозяйка, чтобы открыли погреба. Или давай ключи, мы сами справимся. Зачем зря хорошие двери ломать?

Едва ли фру Лив услышала, что он говорил насчет ключей. Так же держа за руку дочь, она выбежала во двор, ничего даже не накинув на платье. Уже совсем стемнело, во дворе горели факелы и даже был разложен костер. Фьялли уже собрали немногочисленных убитых и раненых, первых сложили рядом за воротами, вторых перенесли в конюшню. Фру Лив кинулась к телам, а Йора вдруг увидела, как двое фьяллей тащат по двору бесчувственное тело Бьярни. Они держали его под мышки, а ноги его волочились по холодной земле, и у Йоры оборвалось сердце – он выглядел совсем как мертвый!

Коротко вскрикнув, она бросилась к Бьярни и вслед за ним забежала в конюшню, где попавшие в плен домочадцы, почти все раненые, пытались кое-как перевязать друг друга обрывками собственных рубашек.

Бьярни бросили на пол. Захлебываясь плачем, Йора упала на колени возле него и попыталась расстегнуть шлем; руки дрожали, задубевший на холоде ремень не слушался, и ничего у нее не выходило. Она склонилась к самому лицу брата, сдерживая дыхание, и различила, что он дышит! Обрадовавшись, она снова приступила к шлему и скоро овладела с жестким холодным ремнем. Кровавых ран на теле Бьярни не было видно, и скорее всего, он просто потерял сознание от сильного удара по голове – на снятом шлеме осталась глубокая вмятина. Но стеганный подшлемник приглушил удар, голова не была пробита, и только шишка быстро вспухала под дрожащими пальцами девушки.

Рядом с ней оказалась Дельбхаэм, выскользнувшая из темноты. Она тоже склонилась к сыну, а один из фьяллей вдруг схватил ее за руку.

– Ой, смотри, Фроди, что это у нее? – Фьялль воззрился на перстень Дельбхаэм. Женщина дернула руку к себе, но он не пустил. – Да это никак золото! Вот не ожидал! Да тут богатый хозяин, раз у него рабы с золотыми кольцами! Ведь хозяйка вроде не эта?

– Золото? Не может быть! – Фроди Рысий Глаз наклонился к перстню, который его друг Скьяльг по прозвищу Ветер уже стянул с пальца Дельбхаэм. – Нет, правда золото! Повезло тебе!

– Тут еще какие-то знаки! – Скъяльг повернул перстень, чтобы получше рассмотреть при свете факела. – Э, да тут пахнет колдовством!

– Ну не оставлять же! – рассудительно заметил Фроди. – Знаешь что, отдай-ка конунгу. Ему чужое колдовство не повредит, а он, когда будет добычу делить, тебе даст что-нибудь равноценное.

– И то правда! – Скъяльг сунул пока перстень в кошель, и оба фьялля вышли.

– Принеси воды, йомфру, – охая и постанывая, взмолился Кетиль Клин. Он был ранен в бедро и теперь сидел, привалившись к перегородке стойла. – Принеси, именем Фригт прошу тебя, нас ведь не выпустят! Я вам скажу, запрут нас тут на всю ночь, а к утру мы все околем!

– Ну, не реви, Кетиль, с лошадьми мы не замерзнем! – утешил его Орм Сосна. – Но вот дадут ли нам воды и еды – это едва ли! Тролли бы их взяли, не дали нам поужинать!

– Теперь на рабском рынке будешь ужинать! – прервали бодряка несколько голосов. – Скажи спасибо, что жив пока!

– А лошади с нами недолго останутся! Фьялли их съедят! Они же дикий народ!

Йора вышла и побежала в сени, чтобы взять там ведро и набрать воды из бочки.

– Куда пошла! – Уже на пороге ее перехватил еще какой-то фьялль из тех, что сновали по всей усадьбе. – Иди-ка в гридницу и угощай гостей, красавица.

– Но там раненые...

– Об этом мы сами позаботимся. Иди, иди! – Фьялль выхватил у нее из рук ведро и невежливо подтолкнул ладонью под зад в сторону гридницы.

Там тоже было полно фьяллей. Места за столами на всех не хватало, они сидели на полу, так что пройти было негде. Испуганные служанки резали хлеб, передавая куски по рукам, и караваи, испеченные для близкого праздника только позавчера, таяли быстрее снега на солнце. Йора остановилась в растерянности, не зная, что же ей делать. Кто-то толкнул ее в спину, в руку сунули рукоять ковши. Рядом с собой она обнаружила открытую бочку пива: тоже варили к празднику. Хорошенький получился праздник! К ней со всех сторон тянулись чаши и кубки, почти все знакомые, начиная от золоченого отцовского и заканчивая простой чашкой из березового гриба, но только держали их совсем чужие руки.

Наливая пиво, Йора бросила взгляд поверх голов и вдруг увидела вожака всей этой разбойничьей шайки. Она сразу догадалась, что это и есть Торвард конунг – кто еще мог так нагло расположиться на сиденье хозяина между священных родовых столбов? Было дико, непривычно видеть на этом священном для всех домохозяев месте чужого человека, но и сам облик Торварда Рваной Щеки показался ей диким и непривычным. Об этом человеке она много слышала, особенно в последний год, когда о нем ходило такое множество противоречивых слухов. Она даже думала порой, что хорошо бы посмотреть на него – вполне понимая, что это невозможно, потому что ему нечего здесь делать, а сама она никогда не выезжала из дома дальше чем на тинг или на какой-нибудь праздник к соседям.

И вот – дождалась! Даже не верилось, что эта ходячая сага явилась прямо к ним в дом! Но если раньше Йора отдала бы несколько лучших бусин за то, чтобы мельком увидеть конунга фьяллей где-нибудь на тинге и потом долго рассказывать об этом подругам, то теперь, когда он был так пугающе близко, она отдала бы все ожерелье, лишь бы он снова оказался у себя во Фьялленланде или где-нибудь столь же далеко. Выглядел Торвард конунг лет на тридцать, хотя Йора знала, что он появился на свет только в третий год Квиттингской войны, а значит, должен быть на три-четыре года моложе. В их округе не встречалось таких высоких, мощных людей, и перепуганной Йоре он казался кем-то вроде великана. Она слышала рассказы о том, что его мать-ведьма когда-то была женой великана, и многие подозревали, что этот-то великан и был его настоящим отцом. Глядя на него, в это легко было поверить. Смуглая кожа, черные волосы длиной ниже плеч, заплетенные в две косы, и такая же черная многодневная щетина, еще не ставшая бородой, резко выделяли Торварда среди светловолосых фьяллей.

Йора дрожала, так что пиво плескалось мимо кубков и проливалось кому-то на колени, но фьялли только смеялись, довольные, что этой суровой зимней ночью у них есть крыша над головой, огонь в очаге и мясо на вертеле. Во время недавней бури они порядком натерпелись и теперь были рады возможности согреться и отдохнуть. Над костром во дворе жарился бычок, предназначенный для йоля, а здесь, в гриднице, над очагами крутился на вертелях разрубленный на несколько частей баран. Оголодавшие фьялли едва могли дождаться, пока мясо поджарится, в нетерпении обрезали верхние зарумянившиеся куски и жадно глотали, обжигаясь и запивая хозяйским пивом.

– Отдай, Одо, уже один выжрал! – Русобородый Халльмунд выхватил у кого-то из рук золоченый хозяйский кубок и протянул его Йоре. – Налей еще и отнеси конунгу.

Йора налила, надеясь, что отнесет он все-таки сам, но Халльмунд выхватил у нее из рук ковшик и всунул взамен полный кубок.

– А ну дай девушке пройти! – заорал он на своих людей, тесно сидящих на полу. – Расселись, как вши на... хм, извини, йомфру.

Сжимая кубок дрожащими руками, Йора пошла по образовавшемуся проходу, невольно задевая сидящих. Чьи-то руки тянулись поймать ее за подол, но она старалась их не замечать; голова кружилась от испуга и потрясения, ей не верилось, что это и есть ее родной дом, и все происходящее казалось дурным сном. И она уже очень устала от этого сна.

Впереди слышался низкий звучный голос, уверенно перекрывающий все прочие голоса; конунг фьяллей весело обсуждал с товарищами какой-то случай в море во время бури. Неведомый доморощенный скальд уже пытался складывать стих про то, как «все сто шестнадцать воду черпали», товарищи полупьяным смехом встречали эти неуклюжие попытки – а битву за Камберг они словно и не считали чем-то особенным. На другом конце стола трое уже пели, обняв друг друга за плечи и раскачиваясь:

Славна ярлова дружина:
В поле доблестна, а после
Медовуху хлещет лихо,
Насмехаясь над врагами!

И сам их конунг смеялся громче всех. Речь его была обильно пересыпана такими словами, каких Сигмунд хёвдинг никогда не произносил за столом и другим не позволял; Йора краснела от унижения и обиды за себя и свой родной дом. Рамвальд конунг, посещавший Камберг прошлой зимой, вел себя и держался совсем иначе! А это не конунг, это горный тролль какой-то!

Она не смела поднять глаз на Торварда конунга, надеясь, что он ее и не заметит. Но вот она подошла и застыла на том самом месте, где стояла по вечерам каждый день, подавая пиво отцу.

Торвард увидел ее только в тот миг, когда она остановилась перед ним. И вдруг его лицо переменилось. Весь он вдруг как-то сосредоточился на фигуре Йоры и замолчал на полуслове. Его глаза потеплели, в чертах лица появилось что-то мягкое и расслабленное, и он улыбнулся ей. Он смотрел на нее с таким наслаждением, будто впитывал глазами ее облик, словно эта незнакомая девушка была долгожданным глотком свежего воздуха в душном дыму его жизни.

На лице побледневшей Йоры отражалось тревожное беспокойство, а каждое движение получалось резким, но вообще-то на нее и сейчас было приятно посмотреть. С треугольным личиком и немного заостренным подбородком, с большими глазами, тонкими, круто изогнутыми бровями, с изящным прямым носом, невысокая, легкая, стройная, с тонкой талией, с шелковистыми волосами очень мягкого светло-рыжего оттенка, она обладала красотой такого рода, которая не поражает с первого взгляда, но тем полнее раскрывается, чем дольше к ней

приглядываешься. А Торвард конунг такие вещи замечал сразу. Перед его глазами появилась хорошенькая девушка, и он разом забыл обо всех морских и сухопутных сражениях.

– Ну, это ты мне принесла? – мягко и даже почти ласково спросил он и протянул руку к кубку.

Йора отдала кубок, стараясь не коснуться его рук, но все-таки коснулась, и ее пробрала дрожь от мимолетного прикосновения этих жестких и теплых пальцев.

– Не отравлено? – поинтересовался он, приподняв бровь.

– Дай я первый попробую! – встрял кудрявый парень, Эйнар.

– Отвали! – рявкнул на него другой фьяльль, уже немолодой, со свирепой красной рожей и страшным шрамом через пол-лица. – Если не отравлено, то ты сам отравишь! У тебя же ядовитый язык, как у гадуки!

– А тебя, медведище, никакой яд не возьмет, у тебя брюхо внутри железное! – не остался в долгу Эйнар. – Давай стукну! Сейчас все услышат, какой гул пойдет! Ой, промахнулся! По голове попал! А здорово загудело, да!

– Промахнулся! – заревел в ответ Ормкель. – Еще бы, у тебя руки-то кривые! Сейчас поправлю: выдержую и вставлю назад другим концом! И то лучше будет!

В затеянной возне они толкнули Йору, Торвард конунг притянул ее к себе, якобы оберегая от тех двоих, и от неожиданности она выронила кубок. Тот запрыгал вниз по ступенькам почетного сиденья, пиво пролилось на колени Торварду, плеснуло на ее подол, задело еще двоих или троих; Йора зажмурилась, но вокруг раздался только хохот, заглушивший звон кубка.

– Пошли вон, тролли пещерные! – Торвард, смеясь, пихнул башмаком в плечо красно-мордого Ормкеля, крепче прижимая Йору к своему бедру. – Напугали девушку! Она таких чудовищ никогда в жизни не видела! Не бойся, моя радость, эти двое тебя не тронут! Иди за пивом, Ормкель, сам пролил, сам и иди!

– Да тащи сюда всю бочку, а то будешь бегать, пол топтать! – напутствовал товарища довольный Эйнар. – Скоро овраг протопчешь! Конунг, а что у тебя девушка сидит такая невеселая? Ты что, забыл, как их развлекают?

– Заткнись, ехидна! – Торвард выпустил Йору, и она попятилась, прижавшись спиной к одному из резных столбов, ограждавших почетное сиденье. Ей очень хотелось убежать, но фьяल्ली сидели на полу так тесно, что было просто некуда ступить. – Йомфру как-никак лишилась брата. Я правильно понял, что ты – дочь Сигмунда хёвдинга? – обратился он к самой Йоре, и она кивнула, чувствуя, как глаза опять наполняются слезами. – И этот длинный, в шлеме с бронзовыми накладками, был твоим братом? Ну, который еще так нагло разговаривал со мной из-за ворот?

Йора опять кивнула. Она могла бы сказать, что самым наглым тут был не Арнвид.

– Правда, я бы сказал, что своей смертью он обязан своей же неучтивости, – добавил Торвард.

– Но ты же напал на наш дом! – дрожащим голосом выговорила Йора. Она очень боялась незваных и неучтивых гостей, но знала, что дочь знатного рода перед лицом опасности должна быть отважна и невозмутима.

– Я, – Торвард напором в голосе подчеркнул это слово, – всего лишь хотел попроситься переночевать. Да я бы его пальцем не тронул, если бы он разговаривал повежливее. Что он меня сразу стал в лес к троллям посылать?

– Обделался от страха, как нас увидел, вот и рассердился, – хмыкнул Асбьёрн Поединщик, один его телохранителей.

– Что я вас, съел бы, что ли? – продолжал Торвард, и лицо его вдруг ожесточилось. – Приличные хозяева всегда принимают людей переночевать, особенно зимой! Усадьба у вас большая, авось не треснула бы. А если кому не по средствам принимать в гостях дружину из

трехсот человек, то я могу и заплатить за еду! Я что, на бродягу похож? Я – конунг фьяллей, и я не позволю, чтобы меня гнали прочь от ворот!

Видно было, что он и в самом деле обиделся.

– А ты правда конунг фьяллей? – неожиданно для себя спросила Йора.

Ей хорошо запомнился конунг кваргов Рамвальд, уравновешенный, мудрый и приветливый, а этот обросший щетиной разбойничий вожак с ним не имел ничего общего! Что, скажите, заставит порядочного конунга мотаться зимой по холодным чужим морям, вместо того чтобы устраивать пиры у себя дома или хотя бы объезжать свою собственную землю, собирая дань? В море в это время ходят только «морские конунги», у которых нет других владений, кроме корабля, и других подданных, кроме дружины. Да и те обычно стараются пристроиться к очагу – что им делать в море в такую пору, когда и торговых кораблей нет?

– Да, я – конунг фьяллей! – внятно подтвердил Торвард. – Не похож? Ну, если кто-нибудь другой объявит себя конунгом фьяллей, я ему голову оторву, и все дела.

Это заявление можно было понять по-разному. Но именно эти грубовато сказанные слова вдруг убедили Йору, что конунги бывают и такие. Потому что они тоже живые люди, а не выходцы из сказаний.

– Не везет мне! – Торвард вдруг вздохнул и откинулся на спинку сиденья. – Когда я хочу драться, противник от меня бежит, а когда я хочу мирно напроситься в гости, меня встречают мечами! Тролли бы их всех подрали!

Вдруг стало видно, как он устал. Устал не от битвы во дворе и даже не от бури и последнего перехода по зимнему морю. Его сжигал какой-то внутренний огонь, какой-то тяжелый душевный груз не давал ему покоя. И даже сейчас, когда его буйная дружина отдыхала и веселилась, ему одному еда и отдых не приносили облегчения.

В гридницу вошла фру Лив и стала медленно пробираться между сидящими. Йора подавалась ей навстречу, желая задать вопрос, и не решаясь, и все-таки в душе надеясь, что случилось чудо и Арнвид все-таки жив. Но по лицу матери она видела, что надежда напрасна. Как истинно знатная женщина, фру Лив хранила внешнее спокойствие, но ее лицо разом посерело и осунулось, и даже на висках под покрывалом заблестела седина, серебряная при свете факелов. Йора изумилась, не в силах сообразить: то ли мать ее начала седеть раньше, а она не замечала, то ли это случилось только теперь. Могли ли они еще сегодня утром подумать, что Арнвид, совсем молодой, здоровый, наследник отца, обрученный жених, полный самых лучших ожиданий, уже к вечеру будет мертв...

Встретив ее взгляд, фру Лив тут же перевела глаза на Торварда.

– Он мертв, да? – Йора прижала руки ко рту, стараясь не расплакаться на глазах у них.

– Да уж это точно, – вместо хозяйки подтвердил Торвард, открыв глаза. – Но ваш отец знает, кому должен мстить за сына. Он может найти меня... а тролль знает, где меня можно будет найти! Но это уже не моя забота.

– У меня есть еще один сын, – с угрозой ответила фру Лив. Голос ее был полон слез, но лицо застыло, как каменное.

– И где же он?

– Уехал с мужем к Рамвальду конунгу.

– А дома, значит, никого из мужчин больше не осталось?

Йора хотела сказать «остался», но опомнилась и промолчала. Она вовремя сообразила, что не стоит выдавать Бьярни, раз уж фьялли о нем не знают. Вдруг Торвард конунг предпочтет не оставлять за спиной еще одного мстителя?

Она не могла знать, что Торварду к тому времени уже было совершенно все равно: одним врагом больше, одним меньше...

– Будь ты проклят, убийца! – Едва сдерживая рыдания, фру Лив с ненавистью смотрела на незваного гостя. – Пока в нашей семье останется хоть кто-то, тебе не удастся об этом забыть!

– Оставь, фру! – Торвард равнодушно махнул рукой, как будто проклятие было всего лишь надоедливой мошкой. – Не трудись понапрасну. Меня уже прокляла фрия Эрхина, и теперь вся брань на свете для меня что щекотка. Хуже уже некуда.

– Фрия Эрхина? – Йора широко раскрыла глаза от изумления. Это заявление поразило ее и в то же время многое прояснило. – Прокляла тебя? И ты еще жив?

Это были странные вопросы, но Торвард только усмехнулся. Йора внезапно заметила, что его люди вокруг молчат, не гомонят и не смеются.

– Она меня так прокляла, чтобы я не сразу умер, а помучился подольше. – Торвард дернул углом рта, но несмотря на усмешку Йора ясно видела усталость и тоску в его карих глазах, которые при свете огня казались совсем черными. – Ни одно мое желание не исполняется, а все выходит наоборот. Если я хочу мирно поговорить, меня встречают копьями. Ну, приходится отвечать тем же. Вражда плодит новую вражду, кровь влечет за собой новую кровь. Выхода нет.

Йора крепче прижалась спиной к родовому столбу, будто искала у него защиты. Перед ней сидел все равно что живой мертвец. Фрия Эрхина, властительница священного острова Туаль, земное воплощение Великой Богини, без благословения которой ни один конунг не может занять свое место... Ее проклятье – удар в самое сердце, и ни один человек не сумеет выжить под грузом такого несчастья. Удача навсегда отвернется от него. Он захлебнется первым же глотком воды, когда захочет пить, споткнется о первый же камень на пути и сломает себе шею. И если этот несчастный поживет еще какое-то время, то и впрямь для того, чтобы подольше помучиться. Он сам был почти мертв, этот смуглый здоровяк, красивый, ловкий, мощный настолько, что в жилах его под кожей словно бы переливался живой огонь. Мертв почти как Арнвид, навек закрывший глаза. Но только его, Торварда, смерть наверняка будет не такой легкой и славной. Он одерживает победы, но ни одна не приносит ему пользы или радости. И судя по всему, он это понимает.

Фьялли уgomонились за полночь. Мясо было съедено, пиво выпито, а завтра им предстоял новый переход по суровому зимнему морю, и вскоре Халльмунд стал разгонять людей и гасить лишние огни. Торвард конунг сидел, вертя в пальцах опустевший кубок, слегка помятый от удара об очажный камень, и неподвижным взором глядя в огонь. Кто-то окликнул его; он вздрогнул, словно проснулся, сошел с почетного сиденья и тяжело, будто весь день рубил дрова, опустился на скамью, где оруженосец уже уложил для него тюфяк и подушку с хозяйского ложа.

Йора хотела уйти, но Ормкель, тот красномордый свирепый хирдман, вдруг взял ее за плечо и подтолкнул к Торварду.

– Хочешь ее, конунг? – спросил он. – Она вроде ничего собой и рыжая, как ты любишь.

Йора похолодела и сжалась. Оправдывались опасения покойного Арнвида. Он был прав, когда не хотел пускать этих людей в дом. Но вот они здесь, а она, Йора, совершенно беззащитна перед чужаками. Вздумается их вождю самому ее взять или отдать желающим из дружины – вступить за нее некому. И даже участи старшего из братьев, который погиб, но не утратил чести, она сможет только позавидовать.

Торвард медленно встал со скамьи, подошел, взял девушку за плечи и с высоты своего роста заглянул ей в лицо. Йора не могла отвести глаз, будто замороженная. Железные руки сжимали ее плечи, она чувствовала исходящее от него тепло, чувствовала запах дыма, пота, пива, морской соли... Невысокая ростом, она доставала ему лицом только до груди; огромный, мощный, Торвард конунг внушал ей ужас уже тем, что подошел так близко. В ее положении естественный страх юной невинной девушки перед мужчиной возрос в десятки раз, и она не могла даже думать о том, что он собирается с ней сделать.

А он разглядывал ее, точно хотел понять, встречался ли с ней когда-нибудь раньше, или искал в чертах сходство с кем-то неведомым. Чего он хотел? Его сжигал вопрос гораздо более глубокий и важный, чем тот, подходит ли ему на одну ночь эта девушка из захваченного дома.

И вопрос этот его очень волновал: дыхание его вдруг участилось, на лице отразилось беспокойство, надежда, смешанная с болезненной тоской.

Йоре хотелось зажмуриться, в глазах ее отражался ужас. Она совсем его не понимала, и от этого делалось так жутко, будто ее держит в руках настоящий оборотень. Бездна смотрела из его глаз, совсем черных при свете огня. Она пошевелилась, безнадежно пытаясь освободиться. А его лицо вдруг ожесточилось, в нем мелькнуло что-то непримиримое, хищное, будто он увидел своего врага. С усилием подавляя какой-то внутренний порыв, он склонился к ее лицу, его руки соскользнули с ее плеч и легли на талию.

– Не бойся меня, – с усилием, будто ему было трудно говорить, прошептал он, наклоняясь с высоты своего роста к ее уху, и от этого горячего шепота ее сердце покатилося куда-то в пропасть. – Сладкая моя...

Он вдруг притиснул ее к себе и жадно припал губами к шее, словно хотел прокусить вену и выпить ее кровь. Йора пискнула от ужаса и забилась изо всех сил, как пойманная птичка; но конунг фьяллей, не обращая внимания на сопротивление, жадно целовал ее шею и лицо.

– Нет... Не надо... – выкрикивала она, чувствуя, что он ее даже не слушает; она пыталась оттолкнуть его, но с таким же успехом можно было толкать скалу; спасения не было.

Торвард дышал все быстрее и тяжелее, подхватил ее и приподнял, прижал к стене, не заботясь, что причиняет ей боль; ее сопротивление словно разжигало в нем какое-то злобное, мстительное чувство, и чем сильнее Йора билась, тем крепче он ее сжимал, так что ей уже казалось, что сейчас ее кости затрещат, и она кричала уже не только от страха, но и от боли.

Хирдманы вокруг поднимали головы, бросали на них хмурые взгляды, но никто не вмешивался. Только Сёльви, сев на скамье, где было устроился спать, с тревогой следил за ними. Он видел, как на лице конунга вместо страсти все сильнее проступает злоба, он уже походил на зверя, терзающего еще живую добычу. И это было так не похоже на Торварда и на его обычное обращение с женщинами, тем более с юными девушками, что у Сёльви сжималось сердце от страха – не за чужую девушку, а за своего собственного конунга, который вел себя, как пещерный тролль. Это был уже не их конунг, не тот сын Торбранда и Хёрдис, на большом пиру по случаю рождения которого сам Сёльви, тогда еще молодой хирдман, веселился двадцать шесть с половиной лет назад. Их Торварда подменили, и Сёльви знал, кто это сделал.

А еще это было опасно, и Сёльви знал почему.

Торвард обхватил Йору и положил прямо на пол, запустив руку ей под подол и поднимая его все выше, зажимая ей рот лихорадочными поцелуями, так что девушка просто давилась своим криком. Йора продолжала биться, уже не помня себя, он своим телом прижимал ее к полу, и она задыхалась под этой тяжестью. То ли крик Йоры особенно мучил Сёльви тем, что напоминал ему о собственной дочери – ровеснице Йоры, то ли беспокойство о конунге было слишком сильным, но он вдруг встал, кивнул Халльмунду и подошел.

– Конунг, оставь ее! – резко приказал Сёльви, который вообще никогда не повышал голоса и ни с кем не ссорился. – Опомнись! Ты не должен так поступать!

Он крепко взял Торварда за плечо и тряхнул, пытаясь оторвать от девушки.

Торвард резко обернулся, и Сёльви понял, что, кажется, опоздал: конунг смотрел на него расширенными бессмысленными глазами, на лице его было выражение дикой ярости, даже зубы были немного оскалены, как у зверя. И Сёльви выругался, чего от него тоже почти никто не слышал: происходило то, чего он боялся!

С низким звериным рычанием Торвард вскочил, бросив Йору, и кинулся на Сёльви. Тот уклонился, вскрикнул в отчаянии:

– Халле, помогай!

И тут Халльмунд, словно опомнившись, метнулся к Торварду и схватил его за плечи; вслед за ним Кетиль и Гудбранд навалились на своего конунга сзади, схватили за руки. Он бился, пытаясь их сбросить, и трое здоровенных мужчин, не уступающих Торварду ростом и

сложением, болтались на нем, как соломенные куклы. Прочие хирдманы вскочили со своих мест, чтобы не попасться под руку (или под ногу) в этой дикой драке конунга с собственными телохранителями. Но больше никто не вмешивался, на всех лицах было растерянное или мрачное выражение. К несчастью, они видели нечто подобное уже не в первый раз.

В Торварде сейчас кипела дикая ярость берсерка, однако в своей дружине он держал подготовленных людей, поэтому вскоре Халльмунд с двумя телохранителями совладали с ним и уложили на пол. Торвард стонал сквозь закусенную губу, и лицо его искажалось, словно от нестерпимой боли, тело выгибалось.

– Куда ты полез, так тебя и разэтак! – орал Ормкель на Сёльви. – Что тебе эта девка, какое твоё дело!

– Девка тут ни при чем. – Сёльви, придерживая Торварда за плечи, сдувал светлые волосы со взмокшего лба. – Это же не он все это делает, это *она* ! Это Эрхина, это проклятье! Я же вам уже объяснял. Кюна Хёрдис перекрыла своими чарами почти все стороны проклятья Эрхины, кроме этой. Эрхина заклала его на то, что он будет вызывать в женщинах ненависть и презрение. И чем больше ему кто-то нравится, тем сильнее его боятся и ненавидят. Но если он будет брать женщин силой, то вызовет к себе еще большую ненависть Великой Богини! А для него это сейчас смерть! Та самая, на которую Эрхина его заклала и которая ему угрожает именно потому, что, когда он с женщиной, он умирать *не хочет* ! Его будет затягивать все глубже и глубже. Он погибнет, и нас всех погубит, и весь Фьялленланд. Видишь, что с ним творится. Ну, что объяснять? – Сёльви безнадежно покачал головой. – Это очень сложно, вы не поймете.

– Да там тролль ноги поломаёт, чтоб его! – буркнул Ормкель, который и правда ничего не понимал в хитросплетениях чар и их сложного влияния на судьбу конунга. – Дал бы ты ему эту девку, он бы успокоился! Который месяц в море, я сам бы тоже...

– Да нет же, болван ты, Ормкель! – сорвался Сёльви, не зная, как объяснить такие вещи хирдману, выросшему в дружине, но в делах богов ничего не смыслящему. – Он успокоился бы, только если бы она его хотела! Если бы она хотела, то через нее и Богиня полюбила бы его – ну, хоть капельку! Ему и капельки ее любви сейчас хватит, чтобы еще день прожить как человек, а не как бешеный волк! А не будет девчонки под рукой – он на тебя кинется! Забыл уже, что на Квиттинге было? Хочешь еще?

Хирдманы молча переглядывались. Именно проклятье Эрхины, упавшее на голову их конунга, было причиной того, что перед самыми йольскими праздниками они не сидят в тепле и безопасности возле собственных очагов, а мотаются по холодному зимнему морю и крышу над головой добывают с боем в чужих землях. Мало кто из них, кроме Сёльви и еще нескольких понимающих людей, смог бы объяснить все тонкости проклятия, но общий смысл его сводился к одному: все желания и стремления Торварда конунга приводят к полной противоположности того, чего он хотел. Он был до сих пор жив только потому, что благодаря закланию, наложенному его собственной матерью уже поверх проклятья Эрхины, хотел умереть.

Однако самым удивительным можно было посчитать даже не это, а то, что и под грузом проклятья Эрхины Торвард оставался конунгом фьяллей. То, что Фьялленланд не отверг конунга, лишённого благословения и удачи, а вздохнул и подставил под его груз свои плечи. Губительное проклятье не привело ни к смещению, ни к изгнанию Торварда, и это он сам себя изгнал с родной земли, пытаясь таким образом ее уберечь. И дружина пошла за ним, потому что другого конунга у нее просто не было. На протяжении сорока поколений племя фьяллей связывало свое благополучие, свою силу и удачу с военными вождями из рода Торгьёрдингов. Иные из этих вождей прожили долгую и славную жизнь, как, например, отец Торварда, Торбранд конунг, погибший в возрасте шестидесяти двух лет, иным норны спряли совсем короткую нить, как Торвардову деду, Торроду Юному, который не дожил и до двадцати и не успел увидеть своего сына. «Всякому своя судьба!» – говорили люди, готовясь терпеть несчастья и

неудачи вместе с сыном Торбранда, которому грозило прозвище Проклятый. В том, чтобы разделить его проклятье, они видели свой долг и даже свою честь, и никому не приходило в голову, что они могут просто от него отказаться.

– Ладно... пустите... тролли пещерные... – пробормотал сам Торвард. Он все еще лежал с закрытыми глазами и тяжело дышал, но больше не бился, и лицо его приняло уже не яростное, а просто очень усталое выражение. – Он прав. Это *она*, мать ее так... Это она хочет, чтобы я...

Телохранители убрали руки, и Торвард медленно сел. Стянув тесемки, он распустил косы и запустил пальцы в волосы – так он всегда делал, когда хотел расслабиться или поразмыслить.

– Спасибо, Сёльви, – не поднимая лица, сказал он и глухо простонал сквозь зубы, словно ему все еще было больно. – Ты прав. Когда женщина меня боится, мне хочется причинить ей боль. Это *она* заставляет меня. А я... не должен... Я знаю... Но я не могу...

– Ты можешь. Уже полгода прошло, а ты все еще жив. Мой отец правильно говорит: ты сам подорвал силу Эрхины и ослабил ее власть, потому она и не сумела проклясть тебя в полную мощь. Терпи, конунг, – грустно пожелал Сёльви Торварду, который по возрасту годился ему в сыновья и на которого он уже много лет смотрел снизу вверх. – Если ты сумел продержаться полгода, значит, это преодолимо.

– Продержаться... Сдохнуть бы поскорее...

Торвард наконец поднял лицо, откинул назад рассыпавшиеся волосы и глянул на Йору. Она все еще сидела на полу, где ее оставили, сжавшись в комок и не в силах пошевелиться.

– Если бы ты не испугалась, меня бы не сорвало... – безразлично сказал он и вдруг зажмурился, будто ее вид причинял ему боль. – Уходи.

Он рванул ворот рубахи, словно ему было душно и жарко, вцепился в кремневый молоток на ремешке, висевший у него на шее, и сжал, стал безотчетно дергать, словно умолял родовой наследственный амулет фьялленландских конунгов помочь ему. А потом вдруг разжал кулак и отбросил торсхаммер, словно обжегся. Вспомнил о том черном камне, который помогал фрии Эрхине сдерживать ее собственные дурные порывы и с потерей которого она утратила последние остатки здравого смысла и справедливости. То, что его мучило, он должен был сжечь в самом себе, а не сливать в амулет. Но это было так тяжело, что вот уже полгода он жил с непрерывной томительной болью и тоской в душе, которые делали смерть более привлекательной, чем такая жизнь. *«Пусть покинет тебя сила»*, – сказала фрия Эрхина, накладывая свое проклятье. *«Силы сдерживать свою силу тебе будет порой не хватать»*, — добавила к этому кюна Хёрдис и тем вместо слабости вселила в сына дух разрушения, мучительный для него и опасный для окружающих. Почти непрерывно он находился в том состоянии, которое называют «боевым безумием» и которое превращает человека в берсерка. Мощь его в это время становится во много раз больше, но берсерку как воздух нужен бой, нужна возможность выплеснуть переполняющие силы, пока они не разорвали его самого. Торвард ушел из Фьялленланда, когда понял, что его тянет бросаться на людей. И если у него нет сил сдерживаться, пусть вокруг будут чужие, а не свои. *«Ненависть и презрение будешь вызывать ты в женищинах!»* – сказала фрия Эрхина, сама ненавидя его за то, что полюбила слишком сильно. *«И через ненависть придешь ты к любви»*, — добавила кюна Хёрдис. Но пробиться к любви было так трудно, что Торвард стал избегать прежде дорогих ему женщин, не желая возбуждать в их сердцах ненависть. Пусть лучше под руку ему попадаются незнакомые женщины, чем Сэла или Хильделинд, дочь Сёльви...

Он поднялся, пошатываясь, как пьяный, подошел к лавке, улегся, не раздеваясь, и завернулся в плащ.

Йора, еще дрожа, окинула робким взглядом молчащих хирдманов. Ормкель повел плечом: конунг решает, а я что?

– Иди, йомфру, тебя никто не тронет, – сказал Сёльви, не сводя глаз с Торварда.

И Йора бочком двинулась к двери, едва смея поверить, что бездна миновала ее.

Выбравшись из дома, Йора опрометью кинулась в хлев. Ее все еще колотило от потрясения, и все увиденное волновало не меньше, чем чудом миновавшая беда. Перед глазами ее стояло смуглое лицо, искаженное мучительной болью, сильное тело, бьющееся в руках троих здоровых мужчин. Однажды она видела нечто подобное, когда пастух Хасти сорвался со скалы и сломал ногу, так что обломки кости пронзили кожу и торчали наружу, скотник Сварти пытался вправить ему кости и перевязать, а Хасти вот так же бился и кричал от невыносимой боли, и трое мужчин тоже с трудом удерживали его. Но у конунга фьяллей не было никаких внешних повреждений. В нем кричал и мучил его какой-то злобный дух – проклятье фрии Эрхины. То, о котором он говорил, которое считал своим сильнейшим врагом и которое сейчас чуть было не взяло над ним верх.

Что было бы с ней самой, если бы свои же люди его не удержали, Йора старалась не думать, просто выкинуть из головы эти мысли, будто ничего не было. Ей хотелось поскорее оказаться среди близких и постараться успокоиться.

Домочадцы, изгнанные чужаками с обычных мест, нашли приют на ночь в хлеву возле коров. Сидели без света, перешептывались в темноте. Кто-то уже спал, кто-то изводился от беспокойства за свою будущую участь, две-три женщины оплакивали погибших. Челядь усадьбы разом уменьшилась на восемь человек. Бьярни оказался прав: гибель этих восьмерых была совершенно бессмысленной, поскольку противостоять дружине фьялленландского конунга у хозяев Камберга не хватало сил.

Бьярни! В другое время Йора тоже поплакала бы над домочадцами, которые выросли в ее родном доме и окружали ее с самого детства. Но сейчас у нее была другая забота. Больше всего на свете ей хотелось сейчас оказаться рядом с Бьярни, ощутить себя под защитой брата. Какое счастье, что хотя бы он жив! Йора не задумывалась о том, что он сможет сделать один против трех сотен фьяллей, она просто хотела быть рядом с ним, как в детстве, – вместе не так страшно.

Мужчин фьялли заперли отдельно от прочих, в конюшне. Однако Йора сразу сообразила, как быть.

Лет семь назад к ним нанялся на зиму работник, конюх Лейк по прозвищу Дудочка. Тростниковую дудочку он всегда носил с собой и так хорошо играл на ней, что даже лошади, наверное, заслушивались. Заслушалась также Фино, жена Ранда Толстого. Не раз и не два она бегала к Лейку в конюшню, пока Ранд однажды не поколотил ее, уверяя, что догадывается, на какой, дескать, дудочке этот проходимец для нее играет. После этого Фино перестала ходить в конюшню. Но Бьярни, Вемунд и Йора, пронырливые, дотошные и любопытные, как все подростки, быстро разнюхали, в чем тут дело. Лейк проделал лаз в дощатой стене, разделявшей конюшню и коровник. Теперь Фино ходила якобы к коровам, но стоило ей отодвинуть пару досок, как открывалось отверстие, достаточно широкое для молодой стройной женщины. Сам Ранд Толстый никогда бы туда не протиснулся. Правда, подозрения его не утихли и однажды он все-таки полез в драку, так что Лейк предпочел убратся из усадьбы, пока дело не дошло до членовредительства. Но лаз, о котором больше никто не знал, остался, и теперь Йора очень кстати о нем вспомнила.

Однако вспомнить мало, его еще надо открыть. Фино, всю жизнь таскавшая ведра на скотный двор, была крепкой бабенкой, и Йора даже подумала позвать ее на помощь, когда с трудом тянула отсыревшие, холодные, такие жесткие доски! Но лишнего шума поднимать не стоило, поэтому Йора промолчала и справилась сама.

– Ой, кто здесь! Тор, Гроза Великанов, защити меня! Прочь, нечисть ночная! – заверещал кто-то по ту сторону стены, и Йора поняла, что она уже, считай, в конюшне!

– Тише, дурак! – зашептала она. – Это я, Йора. Как вы тут?

– Йомфру! – Кетиль Клин схватился за сердце и с облегчением привалился к стене. – Ну и напугала же ты меня! Я уж думал, все тролли на нас этой зимой ополчились и мертвецы из земли лезут! Ой, а как ты сюда попала? Вы что, разобрали стену?

– Вроде того. Где Бьярни? Он очнулся?

Сообразив, что она затеяла, женщины выбили огонь и передали ей самодельный факел из соломы на палке. Солома горела очень быстро, но ярко, конюшня осветилась, стали видны люди, сидящие и лежащие на полу, стояла и сено у дальней стены. Сопровождаемая предостережениями, чтобы она была осторожнее и не сожгла обе постройки, Йора пролезла в дыру и вскоре наткнулась на Бьярни. Факел погас, но она уже вцепилась в плечи брата и знала, что больше его не потеряет!

– Бьярни! Ты очнулся! Как ты? У тебя что-нибудь болит? – шептала она.

– Голова болит, – морщась и хмурясь, отвечал Бьярни, одной рукой обнимая сестру, а другой придерживаясь за перегородку стойла. – Ты как сюда пролезла?

– Да через тот старый лаз! Помнишь... – И Йора прикусила язык, потому что Ранд Толстый сидел где-то здесь в темноте, а его жена – по другую сторону стены, в коровнике. – Я сразу вспомнила. А там дверь не охраняют, вы можете выйти!

– А куда нам выходить, ведь их тут, поди, полно? – заворчал кто-то рядом. – Чтоб их хюльдры взяли, троллей фьялленландских!

– Чтоб им свои ножи проглотить, когда будут жрать наше мясо! – загудели голодные пленники, которых весь вечер мучил вкусный запах со двора. – Сожрали, небось, нашего черного бычка и не поморщились! Чтоб им подавиться!

– А ворота охраняют? – спросил Бьярни.

– Кажется, да, но всего несколько человек. Только чтобы поднять тревогу, если кто-то появится.

– А есть надежда, что кто-то появится?

– Не думаю! – сказал Кари Треска. – Если кто-то из соседей узнал, что наша усадьба захвачена, то никто уже не придет.

– Кто же захочет воевать, когда хёвдинга нет?

– Все, небось, уже собрали пожитки и бегом в лес!

– Зимой! Да кто же зимой в лес пойдет?

– А в рабство лучше? Да я бы хоть до Праздника Дис в лесу сидел, зато живой и на свободе!

– Но ведь еще есть Ивар хёльд, он нам поможет! Не может же он оставить в беде собственную сестру!

– Нет, лучше пусть мой брат Ивар сидит у себя дома! – Фру Лив покачала головой. – Справиться с фьяллями у него не хватит сил, так зачем ему зря погибать?

– Значит, надо выбирать самим. Да, а ты-то как? – обеспокоенно спросил Бьярни, вдруг вспомнив, какие опасности грозили девушке в захваченном доме. – Они...

– Меня... никто не тронул. – Йоре совсем не хотелось рассказывать о недавнем происшествии, тем более что ей все же удалось уйти невредимой. – Он даже сам приказал мне уходить.

– Он?

– Ну, Торвард конунг... Он очень странный, – почти шепотом добавила девушка. – В нем и правда какой-то злой дух. Проклятье...

– А что с Арнвидом? – спросил Бьярни.

Йора промолчала, только сильнее прижалась к нему.

– Значит, я остался один... – задумчиво проговорил Бьярни. Он имел в виду, «один из мужчин хозяйской семьи». – И я должен им отомстить. Это и правда конунг фьяллей?

– Да, – Йора кивнула. Перед ней как живое стояло смуглое лицо Торварда конунга со смеющимся ртом и тяжелой, какой-то волчьей тоской в глазах. – И ты знаешь... Он сказал, что его прокляла фрия Эрхина.

– Я слышал раньше. Значит, это правда. Ну, значит, судьба будет на нашей стороне! – решил Бьярни. – Имея таких союзников, как судьба и фрия Эрхина, можно кого угодно одолеть.

– Лучше бы фрия Эрхина со своими дружинами была здесь! – сказал Альв Куница.

– Фрия Эрхина – такая могущественная женщина, все равно что богиня! – утешил людей Бьярни. – Ей нет нужды бегать везде самой и даже посылать своих воинов. Любой камень превратится в воина против того, кого она прокляла! И вы скоро в этом убедитесь! Хоть нас и мало, но мы не позволим фьяллям с удобством отсыпаться в нашем доме! Греться над кровью Арнвида, которого они убили! И все мы будем опозорены, если позволим убийцам и грабителям просто так уйти!

Бьярни шагнул вперед, покачнулся и всем весом налег на хрупкую Йору, чтобы не упасть: у него еще очень кружилась голова и ноги были слабы. Но она промолчала, подставив ему плечи для опоры, и никто из домочадцев не заметил в полной темноте, что их вожак едва держится на ногах.

– Ты справишься, сын мой! – сказал голос из мрака, и Дельбхаэм вышла в круг света от факела. Ее глаза блестели, вид у нее был торжественный, а голос звенел какой-то лихорадочной радостью. Все это было так необычно и неожиданно в их положении, что все домочадцы оглянулись на нее и удивились еще раз: за двадцать пять лет никто не видел Дельбхаэм в таком волнении. – Ты справишься! – повторила она, причем не по-уладски, как обычно обращалась к Бьярни, а на языке сэвейгов, то есть хотела, чтобы ее поняли все. – Ведь твое происхождение ничуть не хуже, чем у этого морского разбойника! Я – дочь короля Миада из земли Клионн, а значит, ты – королевского рода! Я не говорила об этом раньше, чтобы не унижать мой род моей рабской участью, но теперь говорю, чтобы ты знал, как благородна кровь в твоих жилах и какую большую удачу ты получил в наследство от моих предков. Ты – внук короля, а значит, любой подвиг тебе по плечу. Пусть твоих врагов так много, пусть они сильны и полны злобы – ты одолеешь их всех! Ничего не бойся! И постарайся вернуть мой перстень, который эти разбойники у меня отняли. Это мое родовое сокровище, моя память о доме!

– Вот это новости! – пробормотал кто-то из темноты, кажется, это был Ранд Толстый. – Королевский внук... Ха!

А Бьярни даже не знал, что сказать. Какой-то частью сознания он понимал, что услышанное чрезвычайно важно. Может быть, это важнейшее известие из всех, что он слышал за свою жизнь. Но сейчас голова его была так занята предстоящей борьбой, что поразительному открытию просто не хватало места.

– Спасибо, матушка! – Он порывисто сжал руки матери, понимая, что должен ее поблагодарить. – Конечно, это мне поможет. Так ты говоришь, что во дворе никого нет? – спросил он вслед за тем, повернувшись к Йоре.

– Несколько человек, – растерянно ответила она, тоже обдумывая услышанное. – Но они не во дворе, а снаружи. Все-таки они боятся, что еще кто-то придет. Так ты, выходит... Клионн – это же один из Зеленых островов, я правильно помню? Твой дед – король целого острова? Большого? И там еще есть ваша королевская родня?

– Если они снаружи, значит, во дворе никого из них... – повторил Бьярни, уже думая о деле. – То есть... Вот что. Берем все по охапке соломы, сена... Только очень тихо. Все берем по охапке соломы и ждем, я сначала посмотрю...

Никто еще не понял, что он задумал, хотя кое-кто догадывался. Провожаемый удивленными и по-новому почтительными взглядами, Бьярни пролез сначала в хлев, оттуда через неохраняемую дверь выбрался во двор. Там действительно было пусто, только дымило остывающее кострище, возле которого были свалены кости и прочие остатки злополучного бычка.

Тучи бежали по небу, и в разрывах то и дело проглядывала почти полная луна, выплескивая вниз потоки желтого света. Завывал ветер, вдали шумело море, со всей исполинской силой бросаясь холодной грудью на твердые камни. За воротами переговаривались несколько фьяллей. Слов разобрать было нельзя, но легко было догадаться, что дозорные жалуются на судьбу: все в теплом доме видят сладкие сны, а ты тут мерзни на ветру, как волк...

Крадучись, Бьярни обошел вокруг дома. «Длинный дом» Сигмунда хёвдинга был выстроен из бревен, стоямя вкопанных в землю, и покрыт двускатной соломенной крышей. Это был старый дом. Его уже неоднократно приходилось чинить, менять отдельные бревна, и хозяин даже подумывал разобрать его и построить новый, из камня, как у Рамвальда конунга. И очень хорошо, что Сигмунд хёвдинг не успел осуществить задуманное.

Хорошо знакомый двор стал вражеской землей, и Бьярни двигался бесшумно, держась вплотную к стене и стараясь прятаться в тень. Но возле дома никакой стражи не было. Если фьялли и ждали нападения, то лишь снаружи, а не изнутри усадьбы. Скоро они узнают, как ошиблись.

Вернувшись в хлев, Бьярни больше знаками, чем словами, отдал распоряжения. Рабы, женщины, подростки, волоча охапки соломы, сена, хвороста из запасов в сарае, на цыпочках бросились к дому. Бьярни шел впереди, показывая, кому куда. Горючее сложили с задней стороны здания, куда не доставал ветер.

– Теперь идите в хлев и отвяжите всех коров! – шепотом велел Бьярни. – И будьте наготове. И лошадей тоже отвяжите! Когда начнется, выгоните их во двор!

Он понимал, что идет на большой риск. Если ему удастся то, что он задумал, все домочадцы почти в равных долях разделят опасность со спящими фьяллями. Но другого выхода отстоять честь усадьбы он не видел.

Угли в кострище посреди двора еще тлели. Осторожно раздув их, Бьярни сначала поджег пучок соломы и перенес ее на кучу хвороста под стеной. Хорошо просохший в сарае хворост сразу загорелся, пламя лизнуло стену. Затлел мох, которым были законопачены щели между бревнами, и Бьярни постарался пучком горячей соломы поджечь его на всем протяжении стены, куда мог дотянуться. Взобравшись на бочку, он забросил факел на крышу, потом еще один и еще. В последние дни было тепло, снег растаял, и хотя солома на крыше отсырела, она все же понемногу задымила. Дым лез в горло, щипал глаза, Бьярни закрывал рот рукавом и давился, стараясь не кашлять, чтобы не разбудить фьяллей раньше времени.

Вся задняя стена дома уже была окутана дымом. Домочадцы тем временем выволокли из сарая большое бревно, предназначенное для замены одного из столбов в гриднице. Теперь починки не потребуются, и этим бревном подперли дверь снаружи.

– А сейчас к воротам! – шепотом приказал Бьярни.

Настоящего оружия ни у кого не осталось, домочадцы вооружились поленьями, шестами, лопатами и вилами из хлева. От них требовалось немного: помешать страже из-за ворот проникнуть во двор, когда дом загорится по-настоящему.

Стоя у ворот с крепким шестом, Бьярни мечтал только об одном: чтобы разгорелось по сильнее до того, как кто-нибудь в доме проснется. Изнутри увидеть пламя невозможно, а если кто-то почует запах дыма, то заподозрит, разумеется, горящий очаг.

И вдруг крыша вспыхнула. Постепенно накалившись, воспламенилась задняя стена, огонь стал быстро распространяться по всему дому. Из-за ворот раздался отчаянный крик дозорных, и тут же кто-то попытался открыть ворота. Домочадцы Камберга дружно приготовились отражать новую осаду. Стража, увидевшая огонь и дым над стеной усадьбы, кричала и молотила в закрытые ворота, потом вдруг кто-то обрушился со стены прямо на голову Ранду Толстому. Завязалась потасовка, но первого и второго из перелезших стену удалось оглушить и связать.

Тем временем фьялли в доме проснулись и обнаружили опасность. Изнутри долетали приглушенные толстыми стенами крики, подпертая дверь сотрясалась от ударов, но держалась.

– Быстро выводим всю скотину! – распорядился Бьярни, когда ворота открыли. – И бегом отсюда, иначе сгорим вместе с ними.

Из конюшни и хлева поспешно вывели коров и лошадей и выгнали со двора.

– Быстрее все в лес! – Бьярни, стоя у ворот, подгонял отставших. – И все за мной, держаться вместе, не отставать!

– Куда мы пойдем?

– Пока в лес!

– Мы замерзнем!

– В любом доме сейчас опасно. Переждем, чем все кончится, а потом найдем себе приют. Быстрее, ну!

На лошадей посадили женщин и раненых, остальные бежали следом. Медлительных коров пришлось просто оставить за воротами, и они бродили, недоуменно мыча и глядя на все сильнее разгорающийся огонь.

Вдруг со стороны моря послышался шум. Фьялли, оставленные на берегу сторожить корабли, увидели огонь, а может быть, кто-то из дозорных у ворот сразу побежал к ним за помощью. Теперь еще два десятка фьяллей спешили к усадьбе, но беглецы уже скрылись в темноте и теперь направлялись к близкому лесу. Луна снова закуталась в облака, но они хорошо знали дорогу в своих родных местах.

Дозорные от кораблей подоспели вовремя. Задыхаясь в дыму, полуодетые фьялли рубили секирами дверь изнутри, а сверху уже всю сыпалась горящая солома, трещали и прогибались горящие балки. Тлеет мох в щелях, стены светились, от дыма было почти невозможно дышать, и без малого триста сильных мужчин оказались просто заперты, не в силах ничего сделать. Наконец бревно, заграждавшее выход, вышибли и оттащили в сторону, полуразрушенную дверь вынесли, и фьялли повалили наружу. Над усадьбой стоял гул и треск пламени, крик, ругань, вопли обожженных. Кое-кого пришлось выносить на руках. Вырвавшись из дома, незваные гости Камберга спешили за ворота, на свежий воздух, подальше от пылающего здания, и там бессильно прислонялись к стволам или садились прямо на землю, жадно дыша, давясь и кашля.

Взбираясь по узкой тропинке на гору, Бьярни обернулся. Усадьба пылала, как огромный буйный костер. От нее ничего не останется, но, как там фьялли, отсюда нельзя было разглядеть.

Рассвет те и другие встретили под открытым небом. Домочадцы Камберга нашли приют в пещере на склоне горы, но даже не смели развести огонь, боясь, что их найдут по дымовому столбу. С первыми проблесками света Бьярни, не сомкнувший глаз всю ночь, тут же отправился на разведку.

Фьяллей он нашел на берегу возле кораблей. Они-то не боялись жечь костры, без которых просто замерзли бы. Выскакивая из дома так, как спали, многие из них теперь оказались только в штанах и рубахах. Иные не успели даже натянуть башмаки, почти все лишились плащей, полушубков и шапок. Правда, меч, секиру или копье имел почти каждый – просыпаясь по тревоге, хирдман первым движением хватал свое оружие, а потом разбирался, что же случилось. Многие получили ожоги, многие опалили волосы, бороды или брови. Торвард конунг был почти цел, но сорвал голос и теперь только хрипел. Правда, все, что он хотел сказать, хирдманы понимали по жестам и яростному блеску его темных глаз. Его роскошная соболья накидка сгорела, и он издали был виден благодаря своей красной рубахе. Чтобы согреться и дать выход своей злости, он, орудуя своим длинным мечом, воевал с невидимым противником. Бьярни надеялся, что каждым выпадом конунг фьяллей жаждет снести голову именно ему.

Уходить сразу, как рассчитывал Бьярни, фьялли не собирались. Да и как они могли уйти полуодетыми в зимнее море? С первыми лучами рассвета Торвард конунг принялся исправлять положение. Со всей дружины собрали одежду и обувь, чтобы снарядить три десятка человек во главе с самим Торвардом, а затем отряд отправился по ближайшим дворам. Сейчас, при свете, было нетрудно отыскать тропки и тропинки, соединявшие жилища с морем и между собой. Притаившись за толстой сосной на склоне и глядя, как они идут, словно ободранная, голодная и донельзя злая волчья стая, направляясь прямо к хутору Ульва Седой Шкуры, Бьярни почти пожалел о содеянном. Может быть, они переночевали бы в Камберге и ушли, больше никого не трогая. Все-таки это не «морской конунг», ищущий поживы там, где найдет, а настоящий «земельный» конунг, имеющий владения и дом, случайно занесенный волнами и ветрами не туда и не вовремя. Но было поздно. Да и не мог Бьярни, здраво рассуждая, действовать иначе. Сигмунд хёвдинг никогда не смыл бы позора, если бы чужаки захватили его дом, убили его сына, переночевали и ушли, забрав все, что пожелали. Нельзя было позволить конунгу фьяллей хвастаться своей победой, любой ценой его торжеству следовало помешать. И Бьярни заплатил эту «любую» цену. Может быть, платить придется не одному ему.

Усадьба Камберг лежала одним сплошным пожарищем, над которым и сейчас еще поднимался густой дым. За ночь выгорел и большой дом с пристройками для гостей и дружины, и помещения для скота, и кладовые с припасами. Вчера еще один из самых богатых хозяев округа, Сигмунд хёвдинг превратился почти в нищего. Все имущество беглецов теперь составляло то, что было на них надето, да еще девять лошадей и три коровы. Стадо из тридцати четырех голов осталось возле усадьбы, куда домочадцы пока не смели показываться, и только три коровы, блуждая ночью, забрели на гору, и их удалось привести в пещеру. Все домочадцы мерзли, все хотели есть, но ни у кого не было с собой даже корочки хлеба. Коровы тоскливо мычали, но подоить их было не во что.

– Придется нам пить молоко, как телятам! – решила фру Лив. – И мы не умрем с голоду, и коровам легче.

Жить в пещере на наломанных еловых лапах, даже без огня, было совсем не весело. Беглецы беспокоились, не будут ли фьялли их искать, чтобы отомстить за поджог, но тем хватало сейчас других забот. Весь день Бьярни следовал за ними, как тень, прячась за деревьями и скалами. Двор Ульва бонда оказался покинут – он располагался недалеко, и наверняка оттуда заметили пожар Камберга еще ночью. Но в такой спешке унести все имущество не удалось – Ульв был «большим бондом» и весьма состоятельным человеком, сам держал десяток работников, и его коровье стадо уступало только стаду Камберга и Бьюрстрёма. От него фьялли вышли нагруженные ворохами теплой одежды, шкур, связками сушеной рыбы. Один из них нес две-три пары грубых башмаков из пестрой коровьей шкуры. Должно быть, позаимствовал у Ульвовых работников или рабов. Выйдя за ворота, фьялли немного поспорили: белокурый кудрявый парень настаивал, судя по жестам, на том, чтобы поджечь хутор, но Торвард конунг ему не дал. Едва ли он пожалел хозяев – скорее подумал, что дружине понадобится теплый дом, если сегодня отплыть не удастся.

За день они обошли еще пять или шесть окрестных дворов и усадеб. В трех из них нашлись хозяева, не успевшие или не пожелавшие убежать, и везде фьялли забирали теплую одежду, одеяла и шкуры, обувь, разную утварь вроде ложек, котлов или кубков взамен собственных, потерянных в огне, оружие, в основном щиты и шлемы, и еще съестные припасы. Фру Сванлауг из Новой Росчисти причитала в голос, глядя, как переворачиваются ее сундуки и идут по рукам ее хорошие шерстяные одеяла, вязанные чулки, новые овчинные накидки, приготовленные в подарок на йоль для всех работников и сыновей.

– Это Бьярни поджег дом, больше никому! – воскликнула она, услышав, по какой причине сам конунг фьяллей натягивает на плечи медвежью накидку ее работника Сигге – единственного человека в округе, который был почти такого же роста, как Торвард.

– Какой еще Бьярни?

– Сын Сигмунда хёвдинга, средний сын.

– Но у него же было двое!

– А Бьярни побочный! – пояснил сам Хугвид бонд, опасливо косясь на незваных гостей, которые тем временем гремели котлами на кухне, выбирая подходящие. – Он родился от уладки-рабыни, вот его и не считают, но...

– Но один мужчина в доме у них все-таки нашелся, чтоб его тролли драли! – ругался Торвард конунг. – Вот всегда так! А, борода?хлопот не оберешься с этими героями! Один решил ни за что не пускать меня в дом, другой решил во что бы то ни стало выпереть меня оттуда, раз уж я вошел! А по-другому, раз уж я вошел, меня не выгонишь, только крышу поджечь и осталось! Вот упрямые скоты! Ну, Эрли! Что ты там застрял, девчонку нашел? Лучше кожаную рубашку себе поищи.

Ближе к вечеру фьялли столкнули оба корабля и перешли ближе к усадьбе Челнок, жилищу Хольма бонда. Здесь не могло поместиться почти триста человек, поэтому около полусотни поневоле охраняло на берегу корабли, прохаживаясь вокруг костров и ожидая смены. На этот раз фьялли были умнее и выставили хорошую стражу снаружи усадьбы, убедившись сначала, что внутри не осталось ни одного человека из хозяйских домочадцев.

Утром они наконец отплыли. Бьярни смотрел с пригорка им вслед, остро жалея, что нет никакого средства поджечь эти корабли на воде и отправить их вместе с дружинами напрямик в Валхаллу. Утешало только то, что незваные гости Камбифьорда все-таки не так хорошо здесь отдохнули, как рассчитывали: им пришлось и побеспокоиться, и померзнуть, и похлопотать. Отплывая, они выглядели уже не так гордо, как тогда, когда сюда явились: кое-как одетые в потертые накидки и грубые плащи рабов, в чужих дырявых шапках, обутые в поношенные башмаки, иные из которых даже работники не посчитали нужным брать с собой, они были похожи скорее на нищих бродяг, чем на дружину одного из самых знатных и прославленных вождей Морского Пути. Оставалось только посочувствовать тем, кто сейчас встретится им по дороге.

Глава 2

Два корабля на веслах выходили из Камбифьорда. Ветер усиливался, где-то над горами собирался снег.

– Куда пойдём, конунг? – окликнул Хьёрт Вершина, уже немолодой, опытный хирдман, в походах часто исполнявший должность кормчего и потому занимавший в дружине одно из самых почетных мест.

До той бури, которая загнала их сюда, оба корабля шли по ветру, не ставя перед собой никакой определенной цели. Собственно, все последние месяцы у Торварда конунга имелась только одна цель: держаться подальше от дома и от Фьялленланда вообще. Это было тем легче исполнить, что после битвы четырех конунгов в Аскефьорде он стал испытывать настоящее отвращение к жизни у родного очага, и его тянуло в море. На одном месте его томила тоска, мешавшая найти себе пристанище на зиму вдаль от Аскефьорда, и он продолжал странствовать по воле ветров и волн, как настоящий «морской конунг». За несколько месяцев под грузом проклятия он сильно изменился: стал мрачен, вспыльчив, раздражителен и вообще неуживчив, так что даже собственная дружина выносила его с трудом. Это не считая диких приступов беспричинной ярости, уже не раз с ним случавшихся.

Понимая, что во время этих приступов он за себя не отвечает и может натворить дел, Торвард приказал приближенным и телохранителям удерживать его силой, если уж очень разойдется. Но в Камберге он впервые выплеснул свою ярость на женщину. На одну из тех, в ком жила часть души Великой Богини, именем и силой которой он был проклят. Ярость и жажда разрушения вскипели в нем при первом проблеске страха в широко раскрытых серых глазах под тонкими, красиво изогнутыми бровями, и белые зубы, по-детски видные среди приоткрытых ярких и манящих губ, чуть не лишили его остатков рассудка. Теперь Торвард испытывал мучительный стыд – не перед оставшейся где-то позади Йорой, а перед собой и собственными людьми. Все силы его души и тела в последние полгода были сосредоточены на том, чтобы не давать проклятью власти над собой, но вчера он едва не уступил. Проклятье Эрхины лишило его силы, оставив только мощь, и в этом таилась ловушка. Голос Богини, указывающий всякому смертному правильный путь, больше не звучал в его душе, а кипящая в жилах мощь заставляла метаться, только увеличивая пропасть между Богиней и собой. Торвард смутно ощущал, что путь к примирению с нею лежит через женщин, но проклятье наложило запрет на любовь, заставило женщин отвечать ему страхом и ненавистью. Получался замкнутый круг: стремясь выбраться из ямы, Торвард своими усилиями только углублял ее и проваливался все глубже. И все это он понимал, что делало его существование еще более мучительным. Он был как тот сын древнего короля, превращенный в дракона, внушающего ужас и неприязнь всем, и в первую очередь себе. Но как выбраться из жуткой драконьей шкуры, Торвард не знал. Тот дракон просто жрал невест, которых ему находили, и Торвард, вспоминая свои вчерашние ощущения, понимал, что недалеко от него ушел. Не зная, как дать выход ненависти и отвращению к самому себе, он в бессильной злости вцепился зубами в собственную руку – как волк, грызущий собственную лапу, пытается выгрызть из нее стрелу.

Сёльви метнул на него тревожный взгляд.

– Если опять начну чудить – сразу бейте по голове чем-нибудь тяжелым, – бросил Торвард. – Но не давайте мне так... уродствоваться. Кетиль, слышал? Особенно с женщинами. Иначе это никогда не пройдет.

– Если опять начнется, попробуй представить, что перед тобой... ну, кого из наших ты сейчас любишь? – негромко посоветовал Сёльви, сам не уверенный, что это поможет.

– Сэлу... – помолчав, тихо отозвался Торвард. Закрыв глаза, он с трудом пытался восстановить в памяти знакомое лицо, но видел какое-то расплывчатое пятно. Все, что было до

проклятья, помнилось смутно, как давний сон. Он не потерял памяти о событиях своей прежней жизни, но забыл прежние чувства, помнил, *что* было, но не помнил *как*. – С ней я никогда бы не смог так... Но она любит меня... Или раньше любила, пока я не стал таким уродом.

– Когда перед тобой женщина, попытайся увидеть в ней Богиню, – сказал Сёльви. – Даже если она боится тебя – не обращай внимания, это только на поверхности. В глубине ее души живет Богиня, попробуй обращаться к ней. А Богиня любит тебя, как и всех, потому что такова ее природа. Эрхина только разорвала ее связь с тобой. Но повлиять на саму Богиню ей не под силу.

– Что бы я без тебя делал, – проворчал Торвард. – Ладно, хватит об этом. Пойдем по ветру! – Он оставил весло ближайшему свободному хирдману и поднялся, оглядывая горизонт. – Ставьте парус, ветер будет хороший.

Несколько человек принялись разворачивать и крепить парус – довольно новый, взятый в качестве добычи с одного из больших кораблей Бергвида Черной Шкуры. На красном полотне были три широкие синие полосы сверху вниз, и Торварду нравилось это яркое пятно на серой глади моря. Любовь ко всему яркому, бросающемуся в глаза он сохранил и теперь. Торвард махнул рукой Халльмунду, наблюдавшему за его действиями с «Единорога», и там тоже стали подбирать весла.

– Ветер южный! – заметил Торберг Чайка. – Это нас прямо к Винденэсу принесет.

– И хорошо! – отозвался Торвард. – Все равно нам нужно к ближайшему торговому месту. Среди зимы торги только у конунгов на том берегу, или в Винденэсе, или у слэттов. Но слэтты далеко, а в Винденэсе будем завтра к полудню, если ветер не переменится. А то ведь на вас смотреть стыдно! – Он окинул взглядом дружину, тесно сидящую на скамьях и даже на днище корабля, и усмехнулся. – Так и хочется спросить, из-под какого камня вы выползли, тролли неумные?

Зрелище и впрямь было примечательное: на него смотрели почти две сотни хмурых, закопченных лиц, многие со свежими ожогами, с опаленными бородами и бровями. Дранные, заплатанные, засаленные плащи, накидки со свалевшимся мехом, полысевшие овчины были под стать облику погорельцев, и только дорогое оружие, перстни, гривны, браслеты и пояса с серебряными бляшками выглядели здесь совсем неуместно.

– Из-под того же, что и ты, конунг! – бросил в ответ Эйнар Дерзкий. – Как говорил Торбранд конунг, по лошадке и уздечка!

– Вам не помешает приодеться. А то мне стыдно ходить по морям с такой шайкой оборванцев. Люди подумают, что я вас набрал из беглых рабов и преступников вне закона.

– Да мы все и есть вроде как вне закона! – проворчал Ормкель. Его обычно красное лицо после пожара стало еще краснее, глаза опухли. – Бродим, бродим по морям, нет бы сидеть в теплом доме и пить пиво!

– А я никого не держу! – резко ответил Торвард, и его темные глаза злобно сверкнули. – Кто хочет, может убираться к троллям, турсам и морским великанам! Прямо сейчас!

– Что ты, конунг! – Ормкель снял чужую шапку и пригладил свои редкие сальные волосы. – Уж если у тебя такая дорога, то к троллям, турсам и морским великанам мы пойдем вместе.

– Так и не хнычь! Будет тебе пиво. В Винденэсе будет. До завтра дотерпишь?

– Ага! – ехидно подхватил Эйнар. – Брага воронов ² нам будет в Винденэсе! Ведь там сейчас гостит хозяин того дома! – Он мотнул головой куда-то назад по ходу корабля. – Ну, который сгорел.

– А ты никак боишься? – Торвард даже развеселился.

---

² Брага воронов – поэтическое обозначение (кённинг) крови, проливаемой в битве.

– Попробовал бы кто другой сказать мне это! – воскликнул Эйнар, дерзко глядя ему в глаза.

– Тогда чего волнуешься? Встретим – спросим, почему он так распустил своих рабов, что они не умеют встречать знатных гостей. А будет возмущаться, я еще с него стребую наши убытки!

Было тепло и ветрено, временами шел мокрый снег, или дождь, или то и другое сразу. К Винденэсу подходили, подняв по белому щиту на верхушки мачт в знак своих мирных намерений. Такие большие боевые корабли, полные вооруженных людей, даже в крупных поселениях вызывали переполох, а «Ушастый» Торварда Рваной Щеки уже приобрел в Морском Пути довольно грозную известность.

За последние лет сто Винденэс разросся: вокруг усадьбы квартингских конунгов образовалось целое поселение, размерами уступавшее только Эльвенэсу, столице Слэттенланда. На Ветровой мыс шли торговые корабли со всей северной и западной части Морского Пути: от хэдмаров, вандров, фьяллей, западных квиттов и раудов, граннов, тиммеров. Сюда часто заходили говорлинские купцы, изредка бывали гости с острова Прида이니. Улады и эринны сами не ходили по морям, но желающие торговать с ними тоже, как правило, отправлялись из Винденэса. Здесь находился один из двух в Морском Пути постоянно действующих торгов, а сейчас, когда еще не отошли празднества Середины Зимы, народу здесь собралось достаточно.

– Все забито! – сказал с носа Эйнар, оглядывая дымовые столбы над длинными крышами гостиных дворов.

– Ничего, мы себе место найдем! – пробурчал Ормкель. – Даже если кого-нибудь придется бросить в море.

– Уж здесь-то нас не подожгут! – засмеялся Гудбранд по прозвищу Тыща Троллей. – Тогда весь Винденэс сгорит!

– Пусть Рамвальд конунг заботится, куда нас поместить! – Торвард махнул рукой. – Если я прихожу сюда не воевать, значит, я у него в гостях.

– А ты пришел не воевать? – на всякий случай уточнил Эйнар.

– Пока нет. А там как придется, – беззаботно ответил Торвард. Сегодня он был спокоен и даже насмешлив. – Эти кварги, я смотрю, такой горячий народ!

– Куда уж горячее! – Хирдманы на ближайших скамьях засмеялись, почесывая обожженные бороды.

– А что мы ему подарим? В гости вроде как с подарками ходят, – напомнил Асбьёрн Поединщик.

– Да хотя бы ту серебряную лоханку! Стюр! Куда ты дел серебро из последнего?

– У тебя в шатре, в сером мешке! – Стюр Малиновка кивнул на палатку на корме, покрытую тюленьими шкурами. – Если ты блюдо с лебедями имеешь в виду, то его и конунгу не стыдно подарить. В нем веса две марки будет.

– Как сойдем на берег, возьми его и еще посмотри, что похуже, на обмен, – велел Торвард. – Мне ведь теперь надо одеть и обуть всю вашу ораву.

– По волосам и гребень! – поддел его Эйнар.

Торвард окинул его небрежно-любопытным взглядом, точно впервые увидел это чудо острословия. И под этим взглядом Эйнару вдруг стало так нехорошо, что он прикусил язык и чуть ли не впервые в жизни дал себе мудрое обещание впредь выбирать слова.

– Я, – веско сказал Торвард, – останусь конунгом и в одежде конунга, и в одежде раба, и вовсе без одежды. А вот являться с таким сбродом, как вы, к Рамвальду конунгу и правда стыдно. Поэтому, когда сойдем на берег, всем достать и нацепить у кого что есть – ожерелья, серьги, перстни, браслеты. Хоть кольцо в нос вставь, Эйе, но чтобы ни одна собака не подумала, что ты вырядился в эти обноски по бедности и неудачливости своего вождя.

Два корабля медленно шли на веслах вдоль длинного мыса, выбирая себе место для причаливания. С берега их заметили – обитатели торговых городов приучены к осторожности. Что корабли не купеческие, а боевые, было видно и по их облику, и по большому числу людей на борту, а белые щиты ведь могут быть просто уловкой.

К тому времени как «Ушастый» коснулся носом песка, его уже ждали посланцы самого Рамвальда конунга. Впереди стоял человек лет пятидесяти, довольно толстый, с маленькой головкой и большими, слегка раскосыми глазами. Торвард смутно припоминал, что это кто-то из ярлов Рамвальда конунга и прозвище его, скорее всего, Тюлень, но вот имени не мог вспомнить. В Винденэсе он бывал не менее двух раз в год с тех пор, как ему сравнялось тринадцать, если только не отвлекали военные походы, и неплохо знал здешних обитателей. Но все, что было до проклятья, теперь казалось событиями прошлого века из путанных рассказов обеспамятевших стариков.

Встречавший его таких затруднений не испытывал: и самого Торварда, и его корабли здесь хорошо знали.

– Приветствую тебя на земле кваргов, Торвард конунг! – воскликнул он, когда Торвард поставил ногу на борт «Ушастого», готовясь прыгнуть. – Я – Бергфинн сын Вегейра, и Рамвальд конунг послал меня встретить тебя и пригласить к себе. Хоть твой приезд и неожиданность для нас, но Рамвальд конунг всегда рад принять такого знатного и прославленного вождя! Гостю привет! – повторил он священные слова Отца Ратей и взмахнул рукой.

– Заметили! – Торвард усмехнулся.

Спрыгнув с борта, он вышел на песок и остановился перед встречающими, положив руки на пояс, словно давая им получше себя рассмотреть. Несмотря на потертую работницкую накидку, вид у него был повелительный и грозный, и Бергфинн Тюлень снова бросил неуверенный взгляд на белый щит на мачте – словно желал убедиться, что не ошибся с цветом. Торвард предъявлял права на эту землю самым своим появлением здесь, и Бергфинн ярл с плохо скрываемым опасением ждал, что ему скажет этот черный дракон, вышедший прямо из моря.

– Твой корабль трудно не узнать, – любезно улыбаясь, ответил он Торварду. – Тем более что не далее как этим летом у нас гостил Асмунд конунг, и он...

– Рассказал вам, что его «Дракон» сменил хозяина. Наверное, напел, что я – жуткое чудовище похлеще того дракона и ем живых людей? – Торвард опять усмехнулся.

– Нет, но... – Бергфинн ярл был в затруднении, поскольку лгать не хотел, а правды сказать не смел. – Но, конечно, он не очень рад, что ему теперь три года платить вам дань...

– Зато я очень рад. При наших паршивых урожаях это очень кстати – а то ведь и вы, и говорлины за свой хлеб дерете по три шкуры.

– Никто из знающих тебя, Торвард конунг, не усомнится в том, что ты всегда сумеешь раздобыть средства для достойного содержания хирда и дружины, – с трудом нашелся Бергфинн, поскольку вести учтивую беседу с таким неучтивым гостем было нелегко. – И мы, конечно, очень рады видеть тебя с *белым щитом* на мачте...

– Мне нужен приют на несколько дней, триста человек, – ответил Торвард, словно приказывал. На Ветровом мысе ему еще не были обязаны данью, но он не сомневался, что и здесь возьмет что захочет. Если захочет. – И распорядись, чтобы ко мне прислали торговцев. Меха, кожи, ткани. Оружейники – нужны щиты и шлемы. Башмачники тоже нужны. Всем заплачу.

– У тебя... – Бергфинн, конечно, заметил странный вид фьялленландской дружины, но под тлеющим, как уголь, взглядом темных глаз гостя не осмелился задавать вопросов. – Разумеется. Рамвальд конунг поручил мне пригласить тебя к нему в усадьбу со всеми твоими людьми. Вы будете обеспечены всем необходимым.

– Место уже готово?

– Я уточню число людей, и все будет готово.

– Хорошо. Я... – Торвард подумал, оглянулся на Халльмунда, который уже сошел с «Единорога» и стоял рядом. – Ладно, я сейчас пойду поздороваться с Рамвальдом конунгом, а потом пошлем за моими людьми. Два корабельных сарая у вас найдутся?

Торвард вовсе не шутил, когда велел дружине выставить напоказ добычу, чтобы никто не посчитал их бедняками. Для первой встречи с Рамвальдом конунгом он взял с собой сорок человек ближней дружины, и жители Винденэса надолго запомнили это зрелище. Впереди, как и положено, шел знаменосец Бьёрн Маленький, а с ним охраняющий знамя – Бьёрн Большой. На стяге Торварда был изображен золотой дракон, свернувшийся кольцом, – его вышила по черному шелку, шипя, бранясь и потрясая уколотыми пальцами, сама кюна Хёрдис. Всю жизнь она ненавидела рукоделье, но, раз уж ее собственный сын стал наконец конунгом, она пересилила себя и выполнила священный долг королевы и матери. Позади знаменосца гордо шествовал уладский бард по имени Хавган – бывший пленник, прижившийся в дружине. Перед собой он гордо нес свою арфу, и это поражало встречающих не меньше, чем если бы кто-то из хирдманов и правда вставил кольцо в нос. Потом шел сам Торвард, за ним четверо его телохранителей, где Ормкель Неспящий Глаз был на голову ниже троих остальных, но выглядел гораздо свирепее любого великана. Далее следовали Халльмунд и Эйнар со своими людьми, как ярлы, а потом все прочие. Хирдманы блестели серебром и золотом на руках, поясах и шеях. Рядом с потертыми, засаленными накидками и полушубками это богатство производило дикое впечатление и придавало дружине сходство с воинством троллей, которые в кои-то веки вылезли из-под земли, чтобы похвастаться перед смертными своими легендарными сокровищами, воспетыми в сказаниях.

В гридницу Торвард вошел в сопровождении только знаменосца, телохранителей и ярлов, но все гости Рамвальда конунга на скамьях умолкли и обернулись. Сам Рамвальд конунг, уже полуседой, но еще крепкий мужчина с коротко подстриженными, по обычаю южного берега, волосами и бородой, в широкой куньей накидке мехом внутрь, покрытой синим бархатом, с толстой золотой цепью на груди, тоже замолчал и невольно привстал, точно замороженный, глядя, как к нему неспешно, но уверенно приближается эта мощная фигура. Рамвальд не видел молодого конунга фьяллей больше года и теперь смотрел на него как на незнакомого. Раньше это был просто сильный, ловкий, веселый и открытый парень. Но сейчас, в потертой накидке работника Сигге и с широкими золотыми браслетами на обеих руках, с равнодушным лицом и уверенным чувством превосходства во взгляде, Торвард производил впечатление чего-то дикого и даже потустороннего. Он не смотрел по сторонам, но взгляды всех в гриднице тянулись за ним, как привязанные.

В трех шагах перед хозяйским сиденьем Торвард остановился, и Рамвальд, опомнившись, сел – не пристало ему вставать перед человеком вдвое моложе себя, пусть и равного рангом. Положив руки на пояс, Торвард ждал, когда с ним поздороваются, но Рамвальд конунг не находил слов.

– Приветствую тебя на земле кваргов и в моем доме, Торвард сын Торбранда! – начал он наконец. – Когда я в последний раз тебя видел, помнится, на той свадьбе в Барланде, ты был еще Торвардом ярлом, и вот прошло чуть больше года, как ты уже зовешься Торвардом конунгом...

Он говорил вроде бы обычные и правильные слова, но сам чувствовал их странную неуместность по отношению к этой невозмутимой и притом вызывающей фигуре.

– Все меняется, – ответил Торвард. – Приветствую тебя, Рамвальд конунг, и рад видеть, что у тебя ничего не изменилось в худшую сторону.

– Слава асам! Ты приобрел славу грозного воина, и каждому приятно принять тебя в своем доме, при условии, конечно, что ты приходишь под белым щитом! – Сам того не зная, Рамвальд конунг повторял слова Бергфинна Тюленя, посланного первым встретить этого странного гостя. – Ведь говорят, что ты победил даже остров Туаль, который до сих пор, со

времен Харабаны Старого, ни один человек еще не мог победить! Ты расскажешь нам, как это тебе удалось?

– Не расскажу, – невозмутимо отозвался Торвард. – Никому другому мой способ все равно не подойдет. Для этого надо было пройти в мир иной, а оттуда никто не возвращается таким же, каким вошел.

Рамвальд конунг промолчал. То, что Торвард сильно изменился, притом не в лучшую сторону, было очевидно. На нем лежал тяжелый отпечаток Иного мира, и никто из смотревших на него не желал побед такой ценой.

– Ты хочешь... ты окажешь нам честь и перезимуешь у нас? – спросил Рамвальд конунг, вовсе не уверенный, что хотел бы этой чести.

– Нет, – Торвард мотнул головой. – Мне нужно провести здесь не больше недели, пока мои люди поправят свое снаряжение. Но у меня триста человек и два больших корабля. Ты сможешь разместить нас всех на это время?

– Разумеется! Конечно, у меня сейчас много гостей, ведь наступает йоль, но и тебе не стоило бы пускаться в путь хотя бы до Дня Поминания. Это слишком опасное время, чтобы ходить по морям, его лучше пересидеть в доме, под защитой богов.

– Ты прав, но я не знаю, что будет со мной уже завтра. Я сейчас неудобный гость, предупреждаю тебя сразу... хотя и предупреждения не отвратят того, что суждено. Однако я еще не забыл все обычаи и привез тебе подарок! – Торвард усмехнулся и сделал знак Гудбранду Тыща Троллей.

Тот вынул из мешка большое серебряное блюдо с чеканкой, изображавшей первое сказание о Вёлунде. Гладкое дно блюда представляло собой озеро, на краях были искусно изображены заросли, в которых виднелись два лебедя с поднятыми крыльями и стройная девушка с распущенными волосами, в рубашке – прекрасная валькирия Хервёр Чудесная, будущая жена Вёлунда, и две ее сестры, Хладгуд и Эльрун – в облике лебедей.

– Ах, какая красота! – искренне восхитился Рамвальд конунг, взяв подарок в руки, и прочитал на память:

С юга летели
над лесом дремучим
девы-валькирии,
битв искавшие;
остановились
на отдых у озера,
лен драгоценный
начали пряхсть ³.

Где же ты достал такую роскошь? – Он поднял глаза на Торварда.

– Добыча. – Торвард небрежно пожал плечами.

– Да, разумеется! – Рамвальд конунг засмеялся. Видно было, что дорогой подарок несколько уменьшил его тревогу перед гостем. – Такому старику, как я, нетрудно и позабыть, откуда молодой и сильный вождь берет сокровища! Мой сын, Эдельгард ярл, ты знаешь, сейчас в походе в Западных морях, и мы не сомневаемся, что он тоже привезет домой немалые сокровища.

– И я не сомневаюсь. – Торвард кивнул, и это была вовсе не вежливость, а просто плод знакомства с Эдельгардом ярлом. Тот ведь тоже своего не упустит...

---

³ «Старшая Эдда», пер. А. Корсуна.

– Фру Оддрун! – Рамвальд конунг оглянулся в сторону женской скамьи, выискивая взглядом невестку. – Ох, жена моего сына вышла куда-то, ну да ничего. Йомфру Альделин! – Он обратился к одной из девушек, и та поднялась. – Пока сестры твоей нет, я прошу тебя исполнить за нее обязанности хозяйки и поприветствовать в нашем доме знатного гостя!

Управитель толкнул кого-то из слуг, сделал знак кравчему; опомнившись, домочадцы зашевелились, йомфру Альделин подали позолоченный рог. Торвард молча ждал, пока хозяева выполняют все положенные обряды гостеприимства, но его тяжелый темный взгляд заставлял руки дрожать и бестолково хватать не то, что нужно. Сперва рог уронили, потом ковшиком плеснули пиво мимо, потом девушка споткнулась и чуть все не разлила.

Наконец она подошла, держа рог перед собой обеими руками. Сестра конунговой невестки была еще молодой, лет семнадцати, стройной девушкой со светлыми мягкими волосами ниже пояса, золотистыми веснушками на точеном носике и ясными серо-голубыми глазами. Этой зимой ее впервые привезли в конунгову усадьбу из родного дома, чтобы до весны подобрать подходящего жениха. Платье из тонкой зеленой шерсти с полосками цветного шелка, белая рубашка с золотой уладской тесьмой, золотое ожерелье с несколькими полупрозрачными зелеными камешками в сочетании с ее собственной красотой и свежестью придавали ей вид знатной красавицы из старинной саги. Вот только тот, перед кем она стояла, напоминал не столько героя, сколько дракона, принявшего человеческий облик. Девушка явно робела и жалела, что ее сестра куда-то отлучилась так не вовремя и тем переложил на нее эту тревожную обязанность.

– Приветствую тебя, Торвард конунг, – только и сказала она.

Пока она думала, что бы еще прибавить, Торвард уже взял у нее рог. Выпив, он вытер рот прямо рукавом шелковой рубахи и вдруг наклонился к ней; Альделин невольно отпрянула, как от ядовитого дыхания дракона, но Торвард, даже не заметив ее попытки к бегству, поцеловал ее в губы так уверенно и крепко, как собственную невесту. По скамьям пролетело изумленное и недовольное восклицание: целовать хозяйку обычай позволял гостю во Фьялленланде, но не здесь. Девушка беззвучно охнула, схватила опустевший рог и выбежала из гридницы. А Торвард, не провожая ее глазами, повернулся к Рамвальду конунгу и спросил:

– Где ты разместишь нас?

– У меня в усадьбе два гостевых дома, там поместятся триста человек, – ответил Рамвальд конунг.

Он тоже был задет, но промолчал: гость есть гость. Особенно такой. Понятно, что после долгого пребывания в море кровь взыграла в нем при виде такой молодой привлекательной девушки, но надо надеяться, в дальнейшем он сумеет лучше держать себя в руках...

– Но я хотел бы, чтобы ты и твои ярлы остались у меня... – добавил Рамвальд конунг и опять усомнился, что действительно этого хочет.

– Благодарю, но мне лучше быть с моими людьми. На всякий случай.

И Торвард впервые улыбнулся. Но это была не прежняя его улыбка, быстрая, живая и открытая. Она словно бы всплыла из каких-то неведомых глубин и медленно осветила лицо, причем Торвард улыбнулся только правой половиной рта. Рамвальд конунг никогда не видел кюны Хёрдис и не знал, что так улыбается Торвардова мать-ведьма. Но фьялли это знали, и при виде новой улыбки вождя их каждый раз пробирала дрожь.

А кварги так и не поняли, что он имел в виду: что ему следует оберегать своих людей от Винденэса или Винденэс от них.

Фьяллям освободили два больших гостевых дома прямо в конунговой усадьбе, и они расположились там. Прослышав, что конунг фьяллей покупает в большом количестве меха, шерсть и кожи, расторопные торговцы мигом навезли в усадьбу всякого: и подороже – для знатных, и подешевле – для дренгов. Широкий двор усадьбы мигом превратился в подобие

торга. Торвард прохаживался вдоль разложенного товара, придирчивым взглядом оценивая привезенное.

– Что это ты приволок? – Он остановился перед волокушей, на которой были разложены одна на другой три медвежьих шкуры – бурая, потемнее, другая посветлее, с рыжеватым отливом, и третья почти черная. – У нас во Фьялленланде медвежьи шкуры носят только бонды.

– Но ведь это самый подходящий мех для берсерка! – ответил находчивый торговец. – Берсерк, «медвежья шкура», что же им еще носить! А ведь не может такого быть, чтобы у тебя, конунг, в дружине не оказалось ни одного берсерка!

– Ну, парочка «медведей» у меня есть! – Торвард усмехнулся и крикнул: – Бьёрн! Иди сюда, тут для тебя кое-что принесли!⁴

– Посмотри, конунг! – окликнул его Сёльви. – Никогда такого не видел!

Отвернувшись от связок дорогих собольих шкурок – и местных, и квинтингских, и даже говорлинских, черных с рыжеватым отливом, – Торвард обернулся на знакомый голос. Сёльви стоял возле волокуши, на которую было выложено несколько больших шкур с длинным густым ворсом, почти белым, только с серыми полосами по бокам. Выглядели шкуры красиво и очень необычно.

– Что это? – Торвард поднял глаза на хозяев товара. – Что-то я таких зверей не знаю.

Товар привезли мужчина и женщина, оба барландцы, судя по бусам, плотно охватывающим шеи, – из голубых, зеленых и янтарных круглых шариков. Подвески из таких же бус у женщины на висках спускались с ленты, повязанной поверх головного покрывала.

– Это ледовые волки, Торвард конунг, – с достоинством ответил мужчина.

– Никогда о таких не слышал.

– Их добывает племя, которое называет себя хильелапси. Их земли примыкают к Ледяному морю. Это на север от Барланда, если по суше, и на северо-восток от вандров, если идти по морю. Хотя я не слышал, чтобы кто-то ходил туда по морю, там ведь, как говорят сами хильелапси, лед не тает круглый год. А мы торгуем с ними на наших северных рубежах.

Торвард погладил мех. На ощупь тот был волчьим, но шкуры выглядели вдвое крупнее обычных.

– Ну и здоровые были твари! – заметил Халльмунд, который тоже подошел поглядеть. На плече у него уже висела пухлая связка собольих шкурок.

– Ледовый волк – особенный зверь, – сказала женщина. Голос у нее был звучный и красивый, и Торвард поднял на нее глаза. – Хильелапси называют его «йаансуси». Они считают его скорее духом, чем зверем. Это дух, рыщущий в ночи, выискивающий зло и карающий его. Он не сидит на месте, он любит борьбу и не боится никаких опасностей. Говорят, что он является воплощением бога Раммана – владыки всех стихий, который вращает колесо жизни во вселенной. Рамман дает достойному человеку силу подземного огня и способность выжить там, где не выживет никто.

– Это где же верят в такого бога? – спросил Торвард. – Там, на Ледяном море?

– Когда-то очень давно в него верили везде, – ответил барландец. – Потом на землю Морского Пути пришли асы, а древние боги оказались забыты. Но кое-где о них помнят и сейчас.

– Я это возьму. – Торвард кивнул. На него подействовал рассказ о древнем боге Раммане, так не похожий на все те присказки, с которыми торговцы расхваливают свой товар, а образ белого волка, рыщущего в ночи, задел что-то в душе. – Сколько хотите за шкуру?

– Полмарк серебром за каждую.

---

⁴ Имя Бьёрн означает «медведь».

– Что! – заорал Эйнар, как будто покушались на его мужское достоинство. – Да твоя собственная шкура столько не стоит! Да за полмарки серебра вон там справа двадцать черных говорлинских соболей отдают, а тут какая-то облезлая собака!

– Говорлинских соболей на любом торгу можно набрать хоть тысячу штук. – Торговец ничуть не смутился. – А ледовый волк встречается еще реже, чем ледовый медведь. Прошлым летом я выменял только три шкуры, а перед этим несколько лет хильелапси не привозили ни одной. Как они говорят, когда охотник встречает ледового волка, еще неизвестно, кто чью шкуру добудет.

Женщина молчала, невозмутимо сложив руки под плащом.

– Давай твои весы. – Торвард оглянулся и махнул рукой Стюру Малиновке, у которого был мешок с серебром. – Я беру все три. Если уж в Морском Пути заведется ледовый волк, то только один.

– Это верно, Торвард конунг, – сказала женщина.

Она без страха посмотрела ему в глаза, и отчего-то казалось, что она и правда понимает, чем нынешний конунг фьяллей отличается от всех людей на свете.

– Ты ведь родился в год Белого Волка, – добавила она, а Торвард удивился: он и знать не знал, в какой-токой год он родился.

Каждый выбрал себе наряд по вкусу и возможностям, и служанки Рамвальда конунга тут же засели за работу: шить шерстяные и кожаные рубахи, накидки, плащи, полушубки, шапки, вязать чулки. Сшить Торварду полушубок из шкуры ледового волка взялась сама женщина-барландка, привыкшая работать с самими разными мехами и шкурами. Торвард велел ей принести все нужное и работать здесь же, в гостевом доме.

– Мехом вверх, – только сказал он, и женщина невозмутимо кивнула:

– Я вижу, Торвард конунг.

Зимнюю одежду обычные люди шьют мехом внутрь, а сверху покрывают тканью сообразно вкусам и достатку. Мехом наружу носят плащи, накидки и полушубки только люди-звери: берсерки и ульвхеднары. Торвард, обученный древним воинским искусствам и еще при посвящении в семнадцать лет убивший волка голыми руками, имел право носить вместо плаща шкуру с мордой и лапами, а сейчас чувствовал себя скорее зверем, чем человеком. И барландка понимала, что он имеет в виду.

Почти все время, пока она шила, он сидел рядом и не сводил с нее глаз. Женщина была средних лет, старше его, и не так чтобы красива, но от ее лица и всей фигуры веяло умом, несокрушимым спокойствием и потаенной мудростью. Она походила на безветренный летний день, за теплом которого уже мерещится богатый урожай осени. Ее ничуть не смущал пристальный взгляд грозного конунга, только от присутствия которого все кварги чувствовали себя неуютно, да и муж ее спокойно занимался своими торговыми делами, не видя в этом внимании чужого вождя к его жене ничего угрожающего. Они совсем не разговаривали, но в то же время Торвард казался сосредоточенным, будто прислушивается к чему-то, слышному только ему одному.

Когда женщина окончила работу, Торвард вынул из кошель на поясе золотое кольцо с уладским узором. Это было кольцо Дельбхаэм из усадьбы Камберг, но Торвард уже не помнил, откуда оно у него. Шитье накидки не стоило таких денег, но раз уж он давал, значит, знал за что.

– Эта вещь тебе еще пригодится, Торвард конунг, – сказала барландка, только глянув на кольцо.

Торвард сунул его обратно и вынул взамен крупную золотую монету. На ней был изображен какой-то чужой бог с широко разинутым ртом и солнечными лучами вокруг головы – такие принято называть «солидами». Этих монет штук сто раздобыли в одном кургане на юго-западном берегу, в земле эберов, куда Торварда занесло однажды пару лет назад, и они считали тот поход удачным, хотя Бьёрн Большой тогда и остался без двух пальцев, отгрызенных духом,

охранявшим курган. Монету барландка взяла с такой же невозмутимостью, будто ей каждый день вручают стоимость пропитания целой семьи на несколько лет.

– Ты, Торвард конунг, родился в год Белого Волка, а это значит, что ты идешь по его пути, – сказала она на прощание. – Но ведь по всякой дороге можно идти в две стороны. Если ты пойдешь вслед за Белым Волком Раммана, он выведет тебя из тьмы к свету. А если ты поддашься силам тьмы и пойдешь против его пути – ты останешься во тьме.

– Ты говорила, что белый волк рыщет в ночи. Так и есть – в жизни моей наступила ночь. Он должен карать зло – а что мне делать, если зло поселилось внутри меня?

– Убить его в себе. Стать белым волком, преследующим зло внутри своей души.

– Это трудно.

– А когда ты искал легких путей? И кому же с этим справиться, Торвард конунг, если не тебе? Ведь нет человека сильнее тебя.

Сразу после этого барландцы уехали с Ветрового мыса.

Несколько дней, нужных для приведения себя в порядок, фьялли почти никуда не показывались. Только по утрам они выходили поупражняться – в дружине фьялленландских конунгов ежедневные упражнения были в обычае круглый год, кроме как в походе. А пребывание на берегу и в доме, пусть и чужом, Торвард походом не считал. Находилось немало желающих поглазеть на фьяллей и их легендарное умение обращаться с любым оружием. А в особенности на то, что большого умения не требовало, но поражало кваргов само по себе – как конунг фьяллей отжимается от грязной мокрой земли, лежа в общем ряду со своими хирдманами – сорок раз, пятьдесят, шестьдесят, семьдесят. Чтобы потом, после перерыва, вновь взявшись за весла, не кряхтеть от боли в мышцах, так истязать себя не требовалось, но Торвард, словно сбившись со счета, был неутомим. Не замечая грязи, холода и дождя со снегом, он старался сжечь переполнявшую его темную силу, предавался этому делу с яростью, пытаясь вымотать до изнеможения грозного противника, находящегося внутри него самого. Но погода оставляла конунговым домочадцам, особенно женщинам, мало поводов выйти во двор и еще меньше – там задержаться. А праздного любопытства фьялли не приветствовали – после того как метко брошенный через плечо нож пригвоздил к стене шапку одного из наблюдателей, это поняли все.

Правда, сам Торвард, взяв с собой несколько человек, по вечерам приходил в гридницу хозяйского дома – все в той же красной шелковой рубаше, а потом в белом полушубке из меха ледового волка. Как самый знатный из гостей, по рангу равный хозяину дома, он получал самое почетное место напротив хозяйского, а его телохранители располагались на ступеньках у его ног. Зрелище получалось настолько внушительное, что случайный гость, пожалуй, не сразу бы догадался, кто же тут, собственно, хозяин. Но, находясь в гуще толпы, Торвард словно бы был отделен от нее невидимой стеной. Он почти не замечал окружающего, даже в гриднице оставаясь наедине с собой.

Во время зимних праздников принято рассказывать саги о древних временах, а бывавшие в походах хвастаются своими подвигами и всегда находят много благодарных слушателей. Но Торвард, прежде так любивший поговорить, не рассказывал ни о чем. А ведь именно с ним были тесно связаны самые примечательные события в Морском Пути за прошедший год: столкновение фьяллей и слэгтов на Квиттинге, гибель на поединке его отца Торбранда конунга⁵, война самого Торварда со священным островом Туаль и недолгий брак с его властительницей, фрией Эрхиной, набег на Фьялленланд Бергвида Черной Шкуры и тиммерландского конунга Эйрёда...⁶ Само присутствие здесь Торварда во главе сильной дружины говорило о том, что из

---

⁵ Роман «Перстень альвов».

⁶ Роман «Ясень и яблоня».

всех этих испытаний он вышел победителем, но порадовать людей рассказом о своих подвигах он явно не желал.

Только один раз он соизволил принять участие в общих развлечениях. Однажды вечером на пиру несколько мужчин вышли на середину, чтобы показать танец с мечами. Торвард некоторое время наблюдал за тем, как они под ритм, отбиваемый бубнами, ходят по кругу, то поднимая мечи, то скрещивая их, и быстро меняются местами, поворачивая клинки, чтобы те сверкали в пламени очага, а потом вдруг поднялся с места и извлек из ножен свой собственный меч. Сбросив с плеча ременную перевязь с ножнами, он шагнул вниз со ступенек высокого почетного сиденья. В его быстрых плавных движениях было столько силы, такой скрытой угрозой повеяло от него, что по скамьям пролетели встревоженные крики, танцоры отступили, и только фьялли встретили это радостным воплем.

– Покажи им, конунг, как надо обращаться с острым железом! – громче всех ревел Ормкель.

Торвард вышел вперед и оказался на середине палаты, между двух горящих очагов, откуда все прочие мгновенно отступили, словно уstraшенные блеском меча в его руке. А Торвард поднял его обеими руками над головой, острием к высокой черной кровле, словно призывая богов сойти в его клинок, и замер так на несколько мгновений, а потом плавно повел им по кругу. Бубны и свирели, умолкшие было, снова заиграли, отбивая тревожный быстрый ритм. Конунг фьяллей принялся вращать свой меч, и клинок сверкал, образуя сплошной круг. Торвард то пропускал меч у себя за спиной, то подбрасывал и ловил, и все время рукоять вертелась в его кисти, будто привязанная. Время от времени он делал быстрый выпад в ту или другую сторону, и люди каждый раз отскакивали, хотя клинок не мог до них дотянуться: казалось, этот острый, хищный блеск стремительного оружия может ранить сам по себе. Это был обычный боевой меч, и темно-рыжая свиная кожа на его рукояти уже порядком потерлась, а непритязательное стальное навершие в виде шапочки с заостренным верхом хранило царапины и прочие следы столкновения с чужим оружием. Но сейчас, глядя на него, каждый не мог не думать о том, крови скольких людей испробовал этот меч в руках своего хозяина; вскормленный этой кровью, в нем поселился сам бог войны, неумолимый и жадный.

Стремительные, плавные, исполненные силы и притом легкости движения Торварда завораживали, а сам он двигался все быстрее и быстрее, бубны и свирели все ускоряли ритм, едва успевая. Глаз уже не мог за ним уследить, и казалось, какой-то иной, высший дух завладел человеческим телом, потому что человек такого не может! Некоторые из женщин, не выдержав напряжения, начали кричать, словно душа их не могла вынести этого зрелища, но не отрывали глаз, подчиненные и скованные нездешней силой.

Одни только фьялли, вскочив на ноги, дружно хлопали, помогая держать ритм, и выкрикивали хором строки какой-то воинственной песни во славу Тора – они-то это видели не в первый раз, но каждый раз по-новому восторгались и гордились силой и ловкостью своего вождя.

Но вот Торвард в последний раз взмахнул клинком над собственным плечом, изогнулся, со всего размаха вонзил его в земляной пол и замер. Изумленные зрители проследили за клинком и увидели, что тот воткнул вплотную к башмаку самого Торварда – ошибись он хоть чуть-чуть и всерьез поранил бы собственную ногу.

Но ошибаться он не собирался. В возрасте трех лет сын Торбранда и внук Торорда уже упорно бил маленьким деревянным мечом по щиту воспитателя, который тот держал в полуопущенной руке, при этом старательно прикрывая самое дорогое для каждого мужчины. Иначе, как смеялись домочадцы Аскегорда, глядя на упорные выпады юного наследника престола, после пропущенного удара Рагнару придется в дальнейшем разговаривать о-очень тоненьким голосом. Пока ребенок только подражал тому, что каждый день видел, но в пять лет его уже начали учить. Став взрослым, Торвард не помнил себя в то время, пока не знал разницы между колющим и рубящим ударом или почему вражеский клинок не следует отби-

вать своим клинком без крайней нужды, как обычный человек не помнит ту пору своей жизни, когда не умел есть ложкой и пить из чашки. И кварги, у которых власть над племенем когда-то прибрали к рукам потомки верховных жрецов, могли наглядно убедиться, что значит быть военным вождем в сорок первом поколении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.